

ИНТЕРВЬЮ: ГАРУШЯНЦ ЮРИЙ МИСАКОВИЧ
INTERVIEW WITH: YURY M. GARUSHYANZ,
(1930-2012)

Проект: китаеведение – устная история **Project name: China Studies – the oral history**
The project is supported by the «The Research And Educational Center For China Studies And Cross Taiwan-Strait Relations of the Department of Political Science at National Taiwan University»

Гарушянц Юрий Мисакович (ЮГ) Китаевед, к.и.н., старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН (на пенсии) Дата интервью: 5 декабря 2009 Место интервью: г. Москва Вел интервью: Головачёв В. Ц. (ВГ) ИБ РАН Продолжительность: 4 часа Объем текста: 63 388 знаков, 35 стр. по 1 800 знаков с пробелами, 1,57 а. л. (49 стр., 2,2 а.л. с комментариями)	Yury M. Garushyanz Sinologist, PhD (History) former Senior Research Fellow (retired), Institute of the Oriental Studies, Russian Academy of Science (IOS RAS) Date of the Interview: December 5, 2009 Place: Moscow Interviewed by: Valentin Golovachev, PHD, history, IOS RAS Duration: 4 hours Text volume: 35 pages (49 pages with commentaries)
---	--

Гарушянц Юрий Мисакович. Родился 24.06.1930 в Баку. В 1953 окончил МИВ. Кандидат исторических наук (10.07.1969). Старший научный сотрудник (08.08.1978). Преподаватель МОПИ (1962-1966). Зав. Отделом журнала «народы Азии и Африки» (1962-1969). Зам. гл. редактора журнала «Рабочий класс и современный мир» (1971-1973). Научный сотрудник института философии (1957), Института китаеведения (1957-1961), Института востоковедения (1961-1962 и с 1978), ИМРД (1969-1973), ИМЭМО (1973-1978) АН СССР. Издано более 120 работ. Награжден орденом Знак Почета и медалью СССР.

Темы исследований: «движение 4 мая 1919 года» в Китае; Коминтерн, коммунистическое и революционное движение в Китае; движение за реформы в Китае. Три народных принципа Сунь Ят-сена. (См.: С. Д. Милибанд. Востоковеды России. Библиографический словарь. – М., 2008, Т.1, С.301)

О Китае узнал в школе, из учебника по истории древнего мира и книги о Великом походе китайской красной армии. Ученик Войтинского Г. Н., был знаком с Хоу Вай-лу. Считает, что российское китаеведение принципиально не изменилось после распада СССР в 1991. С марксизмом окончательно не порвали, общая «концепция» китаеведения осталась прежней. В отличие от американцев, в России нет отношения к китаеведению как к стратегической науке, нет должной государственной поддержки. Считает нужным усиление историографических начал в изучении истории, критическое изучение взглядов любого автора. Большой поклонник Тайваня, высоко ценит тайваньскую историческую школу за ее объективность, плюрализм мнений, внимание к источникам и блестящие историографические исследования.

Полный текст интервью:

ВГ: Представьтесь, пожалуйста, как это делают все участники нашего проекта

ЮГ: Меня зовут Гарушянц Юрий Мисакович. Родился в городе Баку в июне 1930 года. Я китаевед, историк. Живу в городе Москве.

ВГ: Юрий Мисакович, очень приятно, что нам удалось встретиться для работы в рамках этого проекта. Большая часть Вашей жизни связана с Китаем, с его изучением. Но в юности, живя в Баку, Вы, наверно, даже не представляли, что станете китаеведом? Когда Вы впервые узнали о том, что существует Китай? Почему и как эта страна привлекла Ваш личный интерес?

ЮГ: О Китае я узнал из первого издания учебника История древнего мира, выпущенного под редакцией академика Мишулина.¹ Там был напечатан иероглиф «солнце» 日 (*жи*). Я ходил по всему Баку, по разным профессорам, и пытался спросить у них, что это значит. Но никто не мог мне объяснить, что значит этот иероглиф. Отец мой бы партийным пропагандистом. У него дома всегда были книги о революции. Я очень рано стал читать, в пять с половиной лет. И уже тогда, в юности, прочел книжку. Не помню, как она называлась, это книжка Чэнь Юня и какого-то еще автора о Великом походе китайской Красной армии.² Я всю эту книгу знал наизусть, хотя ничего в ней не понимал! Не понимал, что (и где) там происходит. Потому что (в книге упоминались) одни незнакомые названия местности, которые на картах не найдешь. Тогда и карт подходящих не было. Так состоялось мое первое знакомство с Китаем. Это был 1936 или 1937 год. Тогда же, читая я газеты, я просто помечал отдельные заметки, связанные с китайско-японской войной. И у меня потом собралась целая кипа газет.

ВГ: Значит, уже тогда, в юные годы в Баку, Вы начали заниматься сбором информации и материалов о Китае? То есть, собирали свой архив.

ЮГ: Да.

ВГ: Выходит, Ваш отец косвенно повлиял на Ваш интерес к Китаю?

ЮГ: Да. Эта книжка оказалась случайно в его библиотеке. Лев Петрович Делюсин даже обещал подарить мне именно эту книгу. Такая это была старенькая книжка...

ВГ: Наверно, эта книжка и события антияпонской войны создавали у Вас какой-то романтический образ военного, борющегося Китая?

ЮГ: У меня это был образ революционный, потому что еще от отца шел интерес к коммунизму, к революции. И у меня был образ революционного Китая.

ВГ: Можно ли сказать, что именно этот изначальный интерес побуждал задумываться о судьбах Китая и в какой-то момент привел Вас к решению стать китаеведом. Или же, подобно некоторым другим советским коллегам, Вы пришли в китаеведение случайно, по стечению неожиданных обстоятельств?

ЮГ: Я стал китаеведом не случайно. Но, скажу честно, сначала я хотел поступить на философский факультет. Но когда я пришел на философский факультет, заведующий кафедрой попросил меня дать, с ленинской точки зрения, критику народничества. Я был тогда еще совсем ребенком и сказал, что это террористы. Тогда он прервал меня и отправил (восвояси). Я и ушел. Там, около МГУ висела какая-то доска с объявлениями Института востоковедения.³ Я почему-то посмотрел на нее и пошел туда. Сразу нашел,

¹ Мишулин А.В. (1901-1948) – историк-антиковед, профессор МГУ им. Ломоносова (с 1934), д.и.н. (1943), редактор первого советского школьного учебника по античной истории для 5-6 классов «История древнего мира», увидевшего свет в 1940 г. и ежегодно переиздававшегося в 1949-1953 гг. Он не был академиком, и знакомство с его учебником не могло произойти ранее 1940 г.

² Чэнь Юнь (1905-1995) – выдающийся партийный и государственный деятель, участник «Великого похода» китайской Красной армии, прошедшей в 1934-1936 гг. с боями более 25 тыс. км с юга на север Китая, из Центрального советского района (пров. Цзянси) на Северо-Запад (пров. Шэньси-Ганьсу). В 1935 г. прибыл на учебу в СССР, где в 1936 г. опубликовал свои заметки о «Великом походе». Видимо, Ю.М. Гарушянц имеет в виду книгу *Западный поход Китайской красной армии*. – М.: Госполитиздат, 1938. Как сообщает Предисловие: «Настоящая книга представляет собою перевод с китайского брошюр Лян Чэна и Ян Дин-хуа, посвященных двум разным этапам исторического перехода Красной армии. Первая излагает переход главных сил Китайской красной армии из провинции Цзянси в Сычуань, до момента соединения их с сычуаньской группой Сюй Сян-цяня. Вторая описывает первоначальный этап легендарного перехода отряда Мао Цзе-дуна в Шэньси – переход через горы Цзиньминьшань». Судя по Предисловию, имена и даже «легенды» социального происхождения и судеб авторов были изменены из соображений секретности. Текст книги см. на сайте «Военная литература»: http://militera.lib.ru/memo/other/lyan_chen/index.html

³ Имеется в виду Московский институт востоковедения (МИВ), возникший в результате преобразования Лазаревского института восточных языков и действовавший в 1920-1954 гг.

поговорил с директором института, которым был Тарковский, дядя режиссера Андрея Тарковского. Он сказал: «Нет, Вам нельзя. У армян не получается...»⁴

ВГ: Он имел в виду произношение звуков китайского языка?

ЮГ: Имел в виду, что с языком не получается. Я как разозлился, изнутри такое поднялось у меня (возмущение), но молчу. Он же говорит: «Вы из Азербайджана. Азербайджанский язык, наверно, знаете. Идите на турецкое отделение!» Я говорю: «Спасибо! Тогда разрешите, я дам папе телеграмму, что меня не приняли на китайский язык, потому что я армянин!» Он сказал: «Не делайте этой глупости!» Потом поднял кулак – мощный у него кулак был: «Ну, я Вас задавлю, если Вы будете плохо учиться!» Вот, так и началась моя учеба.

ВГ: Вас принимали по собеседованию, или все же пришлось сдавать экзамены?

ЮГ: Сдавал экзамены: историю, литературу, какие-то еще экзамены...

ВГ: Были ли у Вас однокурсники, которые потом тоже стали известными китаеведами?

ЮГ: В группе у нас учился человек десять-пятнадцать. Это был большой курс, женщин туда не принимали. Но известных китаеведов среди них потом не было.

ВГ: Если Ваши одноклассники не стали китаеведами, то можно ли рассказать подробнее о Ваших учителях? Наверняка среди них были очень известные и интересные люди.

ЮГ: Первым моим учителем был известный профессор Войтинский Григорий Наумович.⁵ Первая его лекция была посвящена Ли Да-чжао.⁶ Он меня страшно увлек, и на этой почве мы сблизились очень рано. Уже на первом курсе я ходил у него в любимых учениках, потому что другие к этому большого интереса не проявляли. Тихо-тихо он заставил меня перевести с китайского на русский язык две статьи Ли Да-чжао – опубликованную в 1918

⁴ Кинорежиссер Андрей Арсеньевич (1932-1986), сын известного поэта и переводчика с восточных языков Тарковского Арсения Александровича (1907-1989), в 1951-1952 гг. учился на арабском отделении ближневосточного факультета МИВа, когда в этом институте учился и Ю.М. Гарушянц, окончивший его в 1953 г. Дядя Андрея и старший брат Арсения Валерий погиб в 1919 г. Загадочное антиармянское суждение, произнесенное в бывшем Армянском училище/институте, основанном в 1815 г. семьей Лазарян, принадлежало выходцу из Министерства внешней торговли, возглавлявшему МИВ в 1948-1952 гг., Д.И. Тарковскому (*Шаститко П.М.* Век ушел. Сцены из истории отечественного востоковедения. М., 2009, с. 47). Он явно не был дядей выдающегося кинорежиссера, но, возможно, приходился ему не только однофамильцем, что объясняет одну из тайн его биографии: «Неизвестно, почему Андрей поступил именно на арабское отделение Института востоковедения... В беседе в Берлине в 1973 году он так рассказывал историку кино Герману Херлингхаузу: “Полтора года там проучился и ушел — в ужасе от той профессии. Я понял, что не буду заниматься этим никогда в жизни. Дело в том, что занятие арабским языком было настолько мучительным, лишенным какого бы то ни было чувства для меня”» (*Болдырев Н.Ф.* Жертвоприношение Андрея Тарковского. М., 2004, с. 108: http://nikboldyrev.ucoz.ru/_ld/0/51_Ghertvoprinoshe.pdf). Искаженная в воспоминании Ю.М. Гарушянца и, насколько нам известно, нигде не проясненная связь Андрея Тарковского с директором МИВа Д.И. Тарковским неожиданным образом проливает свет на его поступление в идеологический вуз, хотя до этого в школе (в 15 лет) он не был принят в комсомол и интересовался совсем другими предметами: театром, поэзией, музыкой, живописью. Видимо, не вполне случайно в бывшем Армянском институте оказался и армянин Ю.М. Гарушянц. О способностях же армян к китайскому языку можно судить, например, по работе Л.Х. Тер-Мкртчян «Армяне в Китае (С древнейших времен по новое время)» (XI НК ОГК. Ч. 2. М., 1980, с. 132-140). В ней, в частности, упомянут один из первых переводчиков, опубликовавших Библию на китайском языке, – Ованнес Газарян (Ованес Казарян, Джон/Джоаннес Лассар/Лоссар, 1778/1779 – ок. 1822), в 1815-1822 гг. в Серампуре (Бенгалия) опередивший пионерское издание Р. Моррисона (1782-1834) «Шэнь-тянь шэн-шу» 神天聖書 («Святая книга Божественного Неба». Малакка, 1823).

⁵ Войтинский Григорий Наумович (1893-1953). Настоящая фамилия – Зархин. Китаевед, известный революционер и политический деятель. Член РКП(б) с 1918 г. В 1920-1927 гг. вёл ответственную работу в Исполкоме Коминтерна (ИККИ). Как представитель ИККИ встречался в 1920 г. в Китае с Сунь Ят-сеном, участвовал в работе IV и V съездов КПК, а также ряда пленумов ЦК КПК в 1924-1926 гг. В 1926-1927 гг. – председатель Дальневосточного Бюро ИККИ в Шанхае. С 1930х гг. работал в Москве.

⁶ Ли Да-чжао 李大釗 (1889-1927) – ученый, революционер и общественный деятель, один из первых китайских марксистов. и основателей компартии Китая.

году статью «Победа масс» и «Победа большевизма».⁷ И сказал: «Ценной эта работа будет в том случае, если будут указаны источники – откуда он (автор) брал (материал)». Мне все удалось, кроме того, что я не мог установить источник. А Ли Да-чжао списывал это у японского марксиста Каваками Хадзиме.⁸ Это было мое первое знакомство изучением Китая – 1948 год.

ВГ: Для всех более молодых китаеведов Г. Н. Войтинский – уже не современник, а просто историческая фигура, персонаж прошлого. Поэтому было бы интересно узнать, какое впечатление он производил на Вас как личность, как живой человек?

ЮГ: Это был очень живой, очень активный человек, который может прийти на помощь всегда, даже в мелочах. Даже материально. Это и есть то личное впечатление, которое он на меня произвел...

ВГ: Тогда еще один личный вопрос. Как Вы сами оцениваете ту роль, которую сыграл Г. Н. Войтинский в советско-китайских отношениях 1920-х годов?

ЮГ: Ну, если говорить в целом, а не по отдельности, то все тогда сыграли отрицательную роль! Потому что все мыслили «ленинскими категориями» – «левые», «правые» – и он, Войтинский, в том числе. Но чем он выделялся? Все-таки, он был обижен властью, и эта обида в нем сказывалась. Я вспоминаю, как приехали к нам в Москву Го Мо-жо⁹ и Сун Цин-лин¹⁰ из Варшавы, где проходил съезд сторонников мира.¹¹ И они стоят на лестнице, почему-то пожимают мне руку. А Войтинский ниже стоял. Когда я уже спустился к нему, он сказал: «Да, вот, теперь Гарушянцы пойдут и другие!». С обидой он сказал! Я потом, перед его смертью спрашиваю: «В чем дело? В чем Ваша обида?» Он сказал, что понимал, что уже забыт, что никому больше не нужен. Вот, так.

ВГ: Когда умер Войтинский?

БГ: Он умер в 1953 году, 11 июня.

ВГ: То есть, как раз в тот момент, когда Вы заканчивали институт?

ЮГ: Я тогда, действительно, кончал институт – сегодня сдал госэкзамены, а назавтра мы его хоронили в стенах института.¹²

ВГ: А где был похоронен Войтинский?

ЮГ: Он похоронен в Лефортово, на немецком кладбище в Москве.

ВГ: Кто из учителей, помимо Войтинского, также запомнился Вам своим личным обаянием, эрудицией? Кто производил на Вас глубокое впечатление?

ЮГ: Был такой преподаватель Мудров Борис Григорьевич, составитель известного Большого китайско-русского словаря.¹³ Больше всего он оказал на меня влияние в смысле

⁷ Эти статьи под названиями «Победа народа» и «Победа большевизма» в переводе Ю.М. Гарушянца опубликованы в составленных им. «Избранных статьях и речах» Ли Да-чжао (М., 1965) и переизданы в составленных Н.Г. Сениным «Избранных произведениях» Ли Дачжао (М., 1989, с. 154-161).

⁸ Каваками Хадзимэ (1879–1946) – японский революционер, философ и экономист, изучавший и переводивший труды К. Маркса.

⁹ Го Мо-жо 郭沫若 (1892-1978) – ученый, писатель, общественный и государственный деятель, президент Китайской академии наук.

¹⁰ Сун Цин-лин 宋慶齡 (1893-1981) – общественный и государственный деятель, супруга Сунь Ятсена.

¹¹ Всемирный конгресс Движения сторонников мира в Варшаве проходил в ноябре 1950 г. Тогда был создан Всемирный совет мира, членом и вице-президентом Бюро которого стали Сун Цинлин и Го Можо.

¹² Это воспоминание подтверждает дату смерти Г.Н. Войтинского, данную соучеником Ю.М. Гарушянца, также окончившим МИВ в 1951 г. и, соответственно, очевидцем события В.И. Глуниным в последнем (3-м, 1969-1978) издании Большой Советской энциклопедии (<http://bse.sci-lib.com/article006186.html>), что позволяет считать неверной дату – 11.04.1951, трижды воспроизведенную в специализированном справочнике С.Д. Милибанд (Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 117; Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов. Кн. 1. М., 1995, с. 245; Востоковеды России: XX – начало XXI в. Кн. 1. М., 2008, с. 259). Указанные авторы по-разному датируют и его рождение: 05(17).04.1893 В.И. Глунин и 09(21).02.1893 С.Д. Милибанд.

¹³ Мудров Б.Г. (род. 1923). Китаевед, к.филол.н. (1951). Преподавал в МИВ в 1951-1954, ВИИЯ (с 1967). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1957-1967). Был одним из полутора десятка ведущих составителей 4-томного «Большого китайско-русского словаря» (1983-1984) под редакцией И.М. Ошанина (1900-1982) и редактором-составителем гораздо более скромного «Китайско-русского словаря» 1980, который затем вырос

китайского языка. Хотя я начал так, что с китайским у меня не получалось. Вместо того, чтобы заниматься китайским языком, я занимался поначалу историей России, которая меня увлекла. А грамматика – это было неинтересно.

ВГ: Я как раз хотел спросить, не помешала ли Ваша «армянская кровь», как выразился Тарковский, Вашим отношениям с китайским языком?

ЮГ: Нет, не мешала! Но когда у меня не получалось на первом курсе, я даже двойку получил в первом семестре! А все говорили: вообще, армяне не способны осваивать китайский язык. Но когда закончился первый курс, я первый сдал экзамен по китайскому языку на пять, и все после этого хорошо пошло.

Потом, на втором курсе, выходит как-то наш завотделом кадров, татарин это был, и выкрикивает мою фамилию, еще фамилию Штыканова и других студентов. Кричит: «Выходите!» А он злой был, и я подумал, что что-то мы сотворили. Однако он завел нас в кабинет, посадил. Хотя обычно он никогда не усаживал нас, и сообщил: «Вы направляетесь, в качестве переводчиков, на работу с первой делегацией Союза китайской молодежи!» Это было начало 1950-х годов, где-то 1949-1950 год. И я стал с ними (китайцами) работать. Меня в первый же день приставили к группе китайских военных. Вызвали полковника в возрасте двадцати лет! И еще девушка была полковник – в возрасте девятнадцати лет! Советский представитель говорит: «Вы пойдете в музей Николая Островского, будете там переводить. Жена его встретит вас там, в доме-музее». Нас встретила вдова Островского, очень мило стала рассказывать. Потом говорит: «Сейчас будем слушать пластинку!» Как сказать слово «пластинка» я не знал, поэтому пришлось это как-то на пальцах показать. В общем, как-то (экскурсию) провели. Но я очень сблизился с этой группой китайских военных! Даже после того, как они уехали в Китай, мы все время дружили и переписывались, вплоть до начала Корейской войны (1950-1953 гг.). Уже в годы «культурной революции» я встретил имя одного из них в списке охраны члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Си-ляня.¹⁴ Имя другого встретил в списке охранников крупного генерала, который был военным советником во Вьетнаме, имя его уже не помню. Я написал им письма, и один из них ответил мне. А второй не ответил. Видимо, пост его не позволял этого.

ВГ: Юрий Мисакович, в этом году отмечалось 60-летие КНР и 60-летие установления советско-китайских дипломатических отношений. Как те события 1949 года отразились на Вас и на настроениях вашего времени?

ЮГ: Я помню одну гениальную фразу. Причем это было сказано мне единолично. Войтинский сказал: «Не радуйтесь! Отношения могут складываться по-разному. Отношения могут быть хорошими, а могут и плохими». Он уже был настроен, и я чувствовал это, против Мао. И даже когда я писал диплом впоследствии, он меня толкал на эти вещи.

ВГ: То есть, опыт собственных ошибок в советско-китайских отношениях научил Войтинского быть осторожным в прогнозах и оценках, не поддаваться общей эйфории.

ЮГ: Да, он был очень осторожный человек. Никакой эйфории!

ВГ: Как называлась тема Вашей дипломной работы?

ЮГ: Мой диплом назывался «Борьба китайских коммунистов за единый фронт в 1935-1937 годах. От совещания в Цзуньи¹⁵ до начала антияпонской войны».

ВГ: На основе каких источников Вы писали свой диплом? По китайским источникам или по советской литературе? Наверно, в те годы было мало китайской литературы?

в «Большой китайско-русский словарь», с 1999 выдержавший несколько изданий. Удостоен государственной премии за выпуск словаря (1986)

¹⁴ Генерал Чэнь Си-лянь 陈锡联 (1915-1999) состоял членом Политбюро ЦК КПК с 1969 до 1980 г., когда был выведен из Политбюро и снят с должности командующего Пекинским военным округом.

¹⁵ Расширенное совещание Политбюро ЦК КПК в г. [Цзуньи](#) (пров. Гуйчжоу) 7-8 января 1935 г. явилось результатом конфликта среди руководителей Великого похода. В итоге победил Мао Цзэдун, а Чэнь Юнь был направлен для доклада о сложившейся обстановке в Москву, где оказался в августе 1935 г., в последний день работы VII конгресса Коминтерна.

ЮГ: В основном по советским материалам. Почти ничего тогда не было! Вышел только в переводе на русский язык четырехтомник избранных сочинений Мао Цзэ-дуна.¹⁶ Он сохранился у меня, вот он, с дарственной надписью китайского переводчика, по фамилии Чэнь.¹⁷ Здесь опубликована первая версия китайской «Резолюции по некоторым вопросам истории партии».¹⁸ Я по ней и работал.

ВГ: Понятно! Когда Вы уже окончили институт, были ли проблемы с работой? Ведь, очень многие китаеведы после окончания учебы не могли найти работы по специальности и в 1950-е годы, и много позднее. Как сложилась Ваша судьба после института?

ЮГ: Дело в том, что мой отец сидел, был репрессирован в 1930-х годах. В 1940-м году он вернулся (из заключения). В институт меня приняли, но где-то имели в виду, что я «сын врага народа». И при распределении все сидят, ждут. Их вызывают по именам, всех вызвали, а меня нет. Так я и ушел. Потом Войтинский сказал: «Я рекомендовал Вас в аспирантуру». Так все и устроилось.

ВГ: То есть, это было довольно удачное трудоустройство после окончания института!

ЮГ: Да, очень удачное!

ВГ: И Вы сразу же после окончания занялись научной работой?

ЮГ: Сразу же!

ВГ: Как Вы выбирали тему диссертации? Как сориентировались в своих широких интересах?

ЮГ: Войтинский посоветовал: «Давайте начнем с темы образования Коммунистической партии Китая». Вот, с этой темы я и начал работать – «движение 4 мая» и образование компартии Китая. Потом я написал что-то про «4 мая».¹⁹ А про образование КПК материалов не было. В 1950-х годах на эту тему почти ничего не публиковалось. Только в 1961 году я опубликовал на эту тему статью. «Образование коммунистической партии: к сорокалетию компартии Китая».²⁰

ВГ: Ранний этап Вашей научной деятельности прошел под знаком изучения «движения 4 мая» в Китае. Как потом изменялись Ваши научные интересы?

ЮГ: В то время я был очень привязан к этим темам, потому что в те годы (в моем распоряжении) появился журнал «Синь циннянь» (Новая молодежь).²¹ Он и сейчас у меня есть. Тогда, ведь, других материалов не было. В лучшем случае, какая-нибудь старая книжка на английском языке. А Войтинский меня уже даже не учил, а наставлял. Он говорил, если вышла какая-то книжка, скажем, по «движению 4 мая», ты должен понять, почему автор написал эту книжку. Если ты этого не поймешь, ты не поймешь логику науки. В этом источниковедческом смысле он мне очень помог.

ВГ: Когда была защита? Какой темой Вы занимались после защиты диссертации?

ЮГ: Нет, защита была через 20 лет.

ВГ: И все же, как сложилась в дальнейшем Ваша научная судьба?

¹⁶ *Мао Цзэ-дун*. Избранные произведения: В 4 т. – М., 1952-1953.

¹⁷ Видимо, имеется в виду доцент И.И. Советов-Чень, вместе с более чем десятком других китаистов переведивший указанный 4-томник Мао Цзэдуна, а затем участвовавший в создании 4-томного Большого китайско-русского словаря (1983-1984).

¹⁸ «Резолюция/Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» – принятый на VI пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 г. документ с обобщающей оценкой исторической роли и идей Мао Цзэдуна.

¹⁹ *Гарушяниц Ю.М.* Идеиная борьба среди китайской интеллигенции в конце 1918 – начале 1919 г. // Советское китаеведение. 1958. № 1, с. 49-61. – Пер. на кит. яз. // Шисюэ юэкань (Исторический ежемесячник). 1960. № 4. С. 26-32; *Он же*. Движение «4 мая» 1919 года в Китае. – М., 1959. 48 с.; *Он же*. О движущих силах антиимпериалистической борьбы 1919 г. в Китае (к 40-летию движения «4 мая») // Проблемы востоковедения. – М., 1959. № 3, с. 16-30.

²⁰ *Гарушяниц Ю.М.* Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая (к 40-летию I съезда КПК) // Народы Азии и Африки. – М., 1961. № 3, с. 81-96.

²¹ Ежемесячник (с июня 1923 г. – ежеквартальник) «Синь циннянь» 新青年 («Новая молодежь») издавался в Шанхае-Гуанчжоу с сентября 1915 г. по декабрь 1924 г. Одноименный журнал нерегулярно выходил в Гуанчжоу с апреля 1925 г. по июль 1926 г.

ЮГ: После аспирантуры снова встал вопрос работы. Сперва я пошел в институт философии.²² Нигде работы не было. Ну, я там покрутился. Там работали Сенин,²³ Ян Хиншун.²⁴ Жулики настоящие. Особенно Сенин. Помню, был здесь с визитом (историк) Ху Шэн,²⁵ так он говорит: «Ян Хиншун – жэнь хай кэи, кэши наоцзы бу тай цинчу» (человек неплохой, но мозги не очень ясные). Эту фразу я запомнил на всю жизнь. В общем, мне там было скучно, тоскливо. И как раз в это время открылся институт китаеведения,²⁶ куда я и пошел.

ВГ: Но с Ян Хиншуном вы все же опубликовали одну совместную статью?

ЮГ: Это тоже был анекдот! Я уже написал статью. Ян Хиншун посмотрел и говорит: «Здесь конца не хватает!» Приписал одну фразу, а гонорар пошел первым получать! Но это обычное дело!

ВГ: На какую тему была эта статья?

ЮГ: А тема статьи была интересная – история просветительской мысли в Китае. В то время вышла книга профессора Хоу Вай-лу.²⁷ И я критиковал эту книжку за то, что она схематично повторяет русскую схему развития просветительской мысли. Критика тогда запрещена была. Но статья прошла в журнале «Вестник истории мировой культуры»,²⁸ главным редактором которого был Заворыкин.²⁹ А в Китае взяли и опубликовали ее в закрытых материалах. Потом Хоу Вай-лу сам приехал сюда (в Москву), мы встретились и поговорили.³⁰ И он говорит: «Я понял, что Вы неплохой человек. Я не буду обращать внимание на это». Мы даже с внуками Хоу Вай-лу до сих пор поддерживаем отношения.

ВГ: Кроме Хоу Вай-лу, с кем из известных китайских историков Вам доводилось встречаться и общаться?

ЮГ: Ху Хоу-сюань, Хэ Линь³¹ – переводчик Гегеля на китайский язык. Потом, Фэн Дин – завкафедрой диалектического материализма в Пекинском университете. Его потом в годы «культурной революции» уничтожили.³²

ВГ: С тех пор, как Вы пришли в Институт китаеведения, Вы постоянно работали в его стенах?

²² Имеется в виду устройство на работу в 1957 г. научным сотрудником в Институт философии АН СССР.

²³ Д.филос.н. (1964) Сенин Н.Г. (1918-2001) – историк китайской общественно-политической и философской мысли XIX-XX вв., научный сотрудник ИФ АН СССР / ИФ РАН с. 1951 г.

²⁴ Д.филос.н. (1968) Ян Хин-шун (1904-1989) – историк древнекитайской философии, научный сотрудник ИФ АН СССР / ИФ РАН с. 1948 г.

²⁵ Ху Шэн 胡绳 (1918-2000) – историк, философ-марксист, государственный деятель, президент Академии общественных наук Китая (1985-1998).

²⁶ Институт китаеведения АН СССР был образован несколько раньше – в 1956 г.

²⁷ Хоу Вай-лу 侯外庐 (1903-1987) – известный историк китайской философии и общественный деятель, опубликовавший в Пекине в 1956 г. монографию «Чжунго цзаоци цимэн сысян ши (шици шици чжи шицию шици сыши няндай)» («История ранней просветительской мысли в Китае: XVII век – 40-е годы XIX века»), которая в 1963 г. стала заключительным 5-м томом созданной под его руководством «Общей истории китайской мысли» («Чжунго сысян тун ши», 1947-1963).

²⁸ См.: Гарушанц Ю. М., Ян Хиншун. Исследование по истории общественной мысли Китая. // «Вестник истории мировой культуры». – М., 1957, № 4, С. 179–185.

²⁹ Имеется в виду д.э.н. (1939) Зворыкин А.А. (1901-1988) – историк техники и экономист, который в 1949-1959 гг. был первым заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии (2-е изд.), а в 1957-1961 гг. – главным редактором журнала «Вестник истории мировой культуры».

³⁰ Видимо, это произошло во время приезда Хоу Вай-лу в Москву в ноябре-декабре 1958 г., когда он прочел десять лекций, в том числе по истории китайской философии.

³¹ Ху Хоу-сюань 胡厚宣 (1911-1995) – известный историк, специалист по древнейшей эпиграфике (надписям на гадательных костях – *цзя-гу-вэнь*); Хэ Линь 贺麟 (1902-1992) – известный китайский философ, переводчик, специалист по истории западной философии.

³² Фэн Дин 冯定 (1902-1983) – известный китайский философ, политический деятель и работник образования. В 1927-1930 гг. окончил Университет им. Сунь Ят-сена в Москве. С 1952 г. – заместитель директора НИИ марксизма-ленинизма при ЦК КПК, с 1957 г. – профессор Пекинского университета. В годы «культурной революции» подвергся жестоким репрессиям, но не был уничтожен физически. Впоследствии занимал посты декана философского факультета и проректора Пекинского университета.

ЮГ: До 1959 года я работал там, в Институте китаеведения, который потом переименовали в Институт народов Азии и Африки.³³ Тогда приехал Чжоу Энь-лай и говорит, у нас нет такого института по изучению Советского Союза, а зачем вам Институт китаеведения? И нас всех разогнали.³⁴ После этого я еще два года поработал. Мне тогда дали защитить диссертацию. Точнее, я не диссертацию защищал, а дали мне «*Honoris causas*»,³⁵ присвоили степень за «движение 4 мая». Это был 1969 год.

ВГ: Приходилось ли Вам заниматься преподаванием?

ЮГ: Однажды, когда я был аспирантом, Войтинский заболел, и меня назначили вместо него принимать экзамены у студентов. С этого у меня и началась какая-то (публичная) «карьера», известность какая-то. Позднее я преподавал Историю Востока в Ленинском педагогическом институте и в педагогическом институте Потемкина. В основном давал, конечно, историю Китая. Это было в 1963-1965 годах.³⁶

ВГ: Вы еще также работали много лет в институте международного рабочего движения (МРД) и ИМЭМО (Институт мировой экономики и международных отношений).

ЮГ: Да, работал в институте МРД. Потом меня стал припирать своим «революционализмом» директор института международного рабочего движения. Я плюнул и ушел.³⁷ А куда уходить? Тогда мой друг, Евгений Максимович Примаков, предложил перейти в ИМЭМО.³⁸ И я ушел туда в 1973 году заведующим сектором международного коммунистического движения. Проработал в ИМЭМО несколько лет и оттуда стал рваться обратно в Институт народов Азии и Африки. Б. Г. Гафуров,³⁹ тогдашний директор, был упрямый человек. В свое время он меня не отпускал, долго не отпускал. Потом подписал бумагу, но предупредил: ты больше никогда не приходи. Но тогда я обратился к вице-президенту АН СССР, поскольку я был главным редактором журнала «Рабочий класс и современный мир».⁴⁰ И я его стал просить, говорил, что это не моя специальность. И ушел. Ушел обратно в китаеведение. Это был 1978 год, после которого я постоянно работал в институте востоковедения (ИВ АН СССР).⁴¹

ВГ: Как сообщает библиографический словарь «Востоковеды России» Софьи Давыдовны Милибанд, в советское время Вы были награждены орденом и медалью СССР.⁴² Можно поинтересоваться, что это были за награды? Когда и как Вас наградили?

ЮГ: Мне вручили советский орден «Знак Почета». Вручили в 20 июля 1971 года.

ВГ: С чем была связана эта награда?

³³ Ю.М. Гарушянц работал в Институте китаеведения до его закрытия в 1960 г., а в поглотившем его Институте народов Азии (с 1970 – Институт востоковедения) АН СССР – до 1962 г.

³⁴ Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай (1898-1976) приезжал в Москву на XXII съезд КПСС в октябре 1961 г., когда Институт китаеведения уже был закрыт. Как сообщил в аналогичном интервью академик С.Л. Тихвинский, инициатором этой нелепой акции стал «летом 1960 года какой-то китайский руководитель среднего ранга в беседе с советником-посланником Н. Г. Судариковым».

³⁵ Ю.М. Гарушянц в 1969 получил степень кандидата исторических наук не *honoris causa*, а по докладу, основанному на предыдущих работах.

³⁶ В аспирантуре Ю.М. Гарушянц не мог подменять уже почившего Г.Н. Войтинского, видимо, этот эпизод произошел раньше, в его студенческие годы. Московский городской педагогический институт имени В. П. Потёмкина прекратил свое существование в 1960 г., а Ю.М. Гарушянц преподавал в Московском педагогическом институте им. Н.К. Крупской в 1962-1966 гг.

³⁷ Ю.М. Гарушянц работал в ИМРД АН СССР в 1969-1973 гг., когда там директором был чл.-корр. АН СССР Т.Т. Тимофеев, руководивший Институтом с его основания в 1966 г. до 2003 г. и в 1971 г. опубликовавший совместно с Ю.М. Гарушянцем статью о «ленинской концепции мирового революционного движения».

³⁸ Акад. (1979) Е.М. Примаков учился вместе с Ю.М. Гарушянцем в МИВе, а в 1970-1978 гг. был зам. директора ИМЭМО АН СССР.

³⁹ Акад. (1968) Б.Г. Гафуров (1908-1977) был директором ИВ АН СССР в 1956-1977 гг.

⁴⁰ Ю.М. Гарушянц в 1971-1973 гг. был заместителем главного редактора журнала «Рабочий класс и современный мир».

⁴¹ В это время директором ИВ АН СССР уже был не Б.Г. Гафуров, а Е.М. Примаков.

⁴² См.: Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX – начало XXI века. Библиографический словарь. – М., 2008, Кн. 1. с.301.

ЮГ: Не знаю, наверно, дали за работу в журнале «Рабочий класс и современный мир».

ВГ: А за что Вам дали медаль? Это была какая-то юбилейная медаль?

ЮГ: Нет. В годы Отечественной войны гражданское население привлекали на работы. Копали там оборонительные сооружения. Но для участия в работе нужно было, чтобы исполнилось пятнадцать лет. Я обманул и сказал, что мне пятнадцать лет. Так и получилось, что мне дали медаль «За оборону Кавказа», за то, что я якобы принимал участие, работал на оборону. И вторую тогда же медаль получил «За победу над Германией». Но эта медаль была тоже дана в общем порядке.

ВГ: Эти награды – совершенно заслуженные! Когда состоялось Ваше самое первое свидание с Китаем? Я имею в виду первую поездку в Китай.

ЮГ: Меня за границу не пускали из-за отца. И потом, у меня с Тихвинским был один крупный скандал. Я ему прямо сказал – правильно сделали, что Вас не пустили на международный конгресс историков-востоковедов в Лондон. Вы фальсифицировали «движение за реформы в Китае» (усюй бянь фа).⁴³ Россия тогда ввела туда два батальона на подавление, а Вы это скрыли. И правильно сделали, что Вас не пустили. Ой! Скандал начался! И все время у меня из-за этого отношения с Тихвинским были плохие.

ВГ: Но, ведь, Тихвинский был тогда Вашим прямым начальником!?

ЮГ: Был директором, да. И меня не пускали (в Китай).

ВГ: Но Ваша встреча с Китаем все же произошла позднее. Когда это случилось?

ЮГ: Это было в 1990 году, под самый конец существования СССР. Я был одним из последних (китаеведов), командированных в Китай из СССР.⁴⁴

ВГ: Что это была за поездка? Как она проходила? Где Вы побывали?

ЮГ: Это была научная командировка в Китай, стажировка на год при историческом факультете Пекинского университета. Окружали меня хорошие люди. И вообще, я сам по натуре человек общительный. Хорошие знакомые у меня появились. И был в курсе всех сплетен в Пекинском университета!

В общем, много лет меня не выпускали. То Тихвинский не пускал,⁴⁵ то парторганизация. Только, вдруг, директором института (ИВ АН СССР) стал М. С. Капица.⁴⁶ А с Капицей у меня были драки сильные, даже руками мы с ним дрались! Честное слово! Капица спрашивает меня: «Ты что сидишь тут столько лет, в Китай поехать не можешь?» Я ему отвечаю: «Ну, я же жопу не могу лизать!» Капица: «А ты попробуй!» Я ему: «Ну не хватало мне еще Вашу жопу лизать!» Он тогда говорит: «Ты едешь в Китай!» Я говорю: «Да нет!» Не поверил ему. Потом меня вызвали в Комитет высшей школы (по делам высшего образования)⁴⁷ и предложили заполнить анкету. Я заполнил анкету и поехал в Китай.

Первое впечатление, когда я в Китай приехал: когда поезд Москва-Пекин приехал и остановился, я увидел толпу китайцев и сказал своему спутнику (парень из МГУ, он уже скончался): «Неужели они хотели из Москвы руководить этой толпой?» Мой спутник: «А что, нельзя руководить?» Я ему говорю: «Пошел ты на хер, ты ничего не понял!»... Вот, так прошел мой первый год в Китае.

ВГ: Как прошел этот год? В знакомстве с материалами, страной, людьми? Что было самым интересным?

⁴³ «Движение за реформы в Китае» – движение за модернизацию Китая, в основу которого был положен опыт японских реформ после «реставрации Мэйдзи» (1868). После «ста дней реформ» (июнь-сентябрь 1898 г.) потерпело поражение от консерваторов во главе с Вдовствующей императрицей Цыси.

⁴⁴ Последний выезд из СССР по обмену с Министерством образования КНР был в 1990-1991 учебном году, а Ю.М. Гарушянц выехал в предыдущем.

⁴⁵ С.Л. Тихвинский был директором Института китаеведения в 1960 г. и зам. директора Института народов Азии в 1961-1963 гг.

⁴⁶ Чл.-корр. АН СССР (1987) М.С. Капица (1921-1995) был директором ИВ АН СССР в 1987-1994 гг.

⁴⁷ Имеется в виду Госкомитет СССР по народному образованию (1988-1991).

ЮГ: Я просто ходил по книжным магазинам. Целый день! Утром уйду, вечером прихожу. Книги, книги, книги. Но все это ..., такое «говно» я привез тогда! Вранье сплошное, ни одному слову нельзя верить! Потом я все выкинул и заменил их тайваньскими книжками.

ЮГ: Вы говорите, что Вам приходилось много и остро дискутировать с коллегами востоковедами. А кого из них Вы считаете для себя настоящим авторитетом? Есть фигуры, которые вызывают Ваше глубокое уважение?

ЮГ: Для меня – это был Г. Н. Войтинский.

ВГ: Но, к сожалению, Войтинский оставил очень малое печатное наследие. Он был, конечно, известным революционером и воспитал много хороших учеников. Но, все-таки, он мало известен по китаеведным публикациям.

ЮГ: Войтинский известен широко. Ты напрасно! Другое дело, что ему не давали публиковаться. Знаешь, что ему давали публиковать: У Пэй-фу,⁴⁸ Чжан Цзо-линь⁴⁹ и другие. А партийные вещи ему не давали публиковать.

ВГ: Кого еще можно назвать, помимо Войтинского?

ЮГ: Вот, я уже назвал Мудрова. Еще Исаенко Борис Степанович⁵⁰ – был такой китаист. 25 лет прожил в Китае.

ВГ: Если взглянуть на весь спектр российских китаеведов, включая тех, которые работали с Вами позже, а также представителей более молодого поколения? С кем сложились наиболее теплые и уважительные отношения?

ЮГ: С Делюсиным Львом Петровичем.⁵¹

ВГ: Можно ли сказать несколько слов о Льве Петровиче?

ЮГ: Да, обязательно! Поначалу я его вообще не знал. Была у нас такая с...чь (нехороший студент) на курсе, он в «Литературке» (Литературной газете) работал и уже скончался, который как-то предложил мне – ты выступи с троцкистским тезисом, а я буду тебя громить. Я сперва согласился. Потом подумал, что отец у меня сидел, а тут еще с троцкистским тезисом выступить! Нет, не надо! Я подошел к нему и сказал, что это не пройдет. Все это было связано с тем, что мы тогда спорили, что в Китае – диктатура пролетариата или еще революционно-демократическая диктатура? Вот, на этом он меня хотел поймать и ударить. Сергиев Артем. Делюсин, Сухарчук,⁵² Жилкин и Сорокин,⁵³ которые тогда только вернулись из Китая, побывали на нашей институтской дискуссии о характере власти в Китае. Я там выступил. И там Л. П. Делюсин «шмякнул» моего научного руководителя Виноградова⁵⁴: «Ничего не понимаешь – сиди!» И после в стенгазете появилась большая статья «Виноградов сел в лужу с диктатурой». Вот, прошло

⁴⁸ У Пэй-фу 吴佩孚 (1878-1939). В 1920-1926 гг. – крупный политический деятель и военный правитель центрального Китая, глава так называемой чжилйской клики северных милитаристов. Во внешней политике ориентировался на Великобританию и США.

⁴⁹ Чжан Цзо-линь 张作霖 (1875-1928). Военный и политический деятель Китая. Глава фэнтяньской милитаристской группировки, контролировавшей с 1916 г. почти весь северо-восточный Китай (провинции Линин, Цилинь, Хэйлунцзян). Опирался на поддержку Японии. Погиб в 1928 г. в результате теракта (взрыв вагона) на железной дороге в Маньчжурии.

⁵⁰ Исаенко Б.С. (1914-1965). Китаевед, род. в г. Харбин. Канд. филол. н. (1950). Выпускник и преподаватель МИВ (1935-1942, 1947, 1954). Научный сотрудник института китаеведения АН СССР (1958-1960).

⁵¹ Делюсин Л.П. (1923 г.р.). Известный китаевед, д. и. н. (1971). Научный сотрудник и заведующий отделом Китая ИВ АН СССР (1967-1990). См.: Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX – начало XXI века. Библиографический словарь. – М., 2008, Кн. 1. с.410-411. Интервью с Л.П. Делюсиным в рамках проекта «Китаеведение – устная история» см. по ссылкам: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/act02.php> и <http://www.ivran.ru/project-modernization-models/57>

⁵² Сухарчук Г. Д. (1927-2006). Китаевед, д. и. н. (1982). Выпускник МИВ (1950).

⁵³ Сорокин В.Ф. (1927 г.р.). Китаевед, докт. филол. н. (1979). Выпускник и преподаватель МИВ. Научный сотрудник института китаеведения (1957-1961), института народов Азии (1961-1967), ИДВ АН СССР с 1967.

⁵⁴ Видимо, Виноградов Н.П. (1923-1967). Китаевед, к.и.н. Выпускник МИВ (1948). К. и. н. (1951). Зав. сектором отдела Китая ИВ АН СССР (1961-1967).

время, и мне понадобилась книжка про «движение 4 мая». Кто-то мне сказал, что она может быть у Делюсина. Тогда я не знал его вообще. Они были взрослые ребята, а мы – «малыши» еще. Я позвонил ему, и он пригласил меня к себе. Тогда они жили на углу Цветного бульвара. Когда я приехал, Делюсин принял меня хорошо, подарил эту книжку. И мы стали с тех пор общаться, дружить. Кстати говоря, эту книжку я вернул ему в 1980-х годах. Он сам никогда не просил ее у меня обратно. С тех пор мы и стали общаться, дружить. Потом, когда он в ЦК КПСС работал,⁵⁵ а я в журнале, всегда у нас дела какие-то были. Он всегда пропускал, говорил: «Юра, на цензуру не смотри!».

ВГ: Как бы Вы охарактеризовали роль Делюсина в развитии китаеведения тех лет? Например, в организации конференции «Общество и государство в Китае» и разных научных дискуссий тех лет?

ЮГ: Он помогал всем коллегам. Но если что-нибудь не так, что-нибудь не понравится, то он был очень жесткий человек. Если начинали по мелкому на него наговаривать, то он тут же отшивал тебя. Он был помощником у Андропова.

Некоторые научные семинары мы вместе с ним создавали. Могу вспомнить самое первое заседание. Тогда Делюсин работал заместителем директора Института международного рабочего движения.⁵⁶ Он предложил организовать семинар и предложил мне сделать первый доклад. Помимо Делюсина были Картунова,⁵⁷ Хейфец.⁵⁸ Гуревич⁵⁹ был такой, он сейчас на Кипре. Я не очень хотел выступать первым. Но все же сделал этот первый доклад. Я перевернул традиционную концепцию и доказывал, что Чэнь Цзюнь-мин⁶⁰ был сторонником Коминтерна. И только в результате деятельности Коминтерна он оказался в стане врагов. Тогда эту тему мало кто знал вообще, никто не понимал ничего. Я же, честно скажу, не хвалясь, я буквально все перечитывал, день и ночь изучал всю доступную информацию. Ну, а потом я как раз ушел из института. Лев Петрович перешел в институт китаеведения, и там уже организовалась конференция «Общество и государство», и ежегодно ее там проводили.⁶¹

ВГ: Какую роль сыграла эта конференция в жизни советских китаеведов?

ЮГ: Вспомни «культурную революцию». Писать негде было, нечего было. Я помню, Крюков Михаил Васильевич⁶² написал статью, про иньскую бронзовую металлургию. Но цензура ее не пропустила. Тогда мы с заместителем главного редактора, тюркологом Ржевным, пошли цензору. Баба такая там сидела. На вопрос о причине отказа, она заявила, что еще до иньской бронзы металлургия была уже на Урале. Тогда этот пожилой редактор, бывший полковник, обматерил ее, хлопнул дверью и ушел.

⁵⁵ В 1959-1965 гг. Л.П. Делюсин являлся ответственным работником ЦК КПСС.

⁵⁶ В этом институте Л.П. Делюсин работал в 1966-1967 гг.

⁵⁷ Картунова А.И. (1924 г.р.). Китаевед, д. и. н. (1981). Выпускница МИВ (1947). Научный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС (1960-1991), ИДВ РАН (с 1992)

⁵⁸ Хейфец А.Н. (1917-1985). Востоковед, д. и. н. (1964). В 1960-1978 гг. – преподаватель МГПИ им. В.И. Ленина. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1978-1985).

⁵⁹ Гуревич Н.М. (1922-1983). Востоковед-афганист, д. э. н. (1967). Выпускник МИВ (1947). Научный сотрудник ИВ АН СССР (1956-1983). Известие о его пребывании на Кипре, видимо, ошибочно.

⁶⁰ Чэнь Цзюнь-мин 陳炯明 (1878-1933). Китайский генерал, милитарист. Контролировал провинции Гуандун и Гуанси. Поддержал создание революционного правительства Сунь Ят-сена в Гуанчжоу (Кантон) в 1920 г. В 1922 г. совершил военный переворот против Гоминьдана. К 1925 г. был разгромлен и бежал в Гонконг.

⁶¹ Научная конференция «Общество и государство в Китае» проводится отделом Китая ИВ АН СССР (РАН) ежегодно, начиная с 1970 г.

⁶² Крюков М.В. (1932 г.р.) Китаевед-историк, этнолог. Д.и.н. (1972), профессор. Окончил МГИМО МИД СССР (1955), Пекинский университет (КНР, 1962). Академик Европейской Академии, почётный член Британского королевского антропологического института. Научный сотрудник ИВ АН СССР (1955-1957), института этнографии (с 1962), ИДВ РАН (с 2002). Профессор Тамканского университета (Тайвань, 1993-2002). Автор более 350 работ.

ВГ: Получается, что с появлением конференции «Общество и государство» возникла небольшая ниша без какой-то тупой цензуры.

ЮГ: Появилась ниша, чтобы можно было что-то выступать, публиковать более или менее свободно. Хотя Хохлов⁶³ немножко пытался ограничивать.

ВГ: О ком из своих коллег Вы могли бы вспомнить еще?

ЮГ: Два человека – Владимир Иванович Глунин⁶⁴ и Ким Васильевич Кукушкин.⁶⁵ Глунин занимался сперва третьей гражданской войной в Китае. Потом социалистической революцией в Китае. Потом был двухтомник по истории КПК. Умер он в «культурную революцию».⁶⁶ Очень знающий человек, тоже очень строгий. И ко мне, и ко всем он одинаково строг был. Вот, он производил на меня хорошее впечатление. Ким Васильевич изучал подъем национально-освободительного движения в Китае, «движения 9 декабря», накануне антияпонской войны (с 9 декабря 1935 года до февраля 1937 года), когда большое количество молодежи пришло в китайскую компартию.

ВГ: После 1990 года Вам приходилось еще бывать в Китае?

ЮГ: Да, я был еще один раз в Китае, по приглашению своего друга Сюй Куй, директора института изучения Восточной Европы при Китайской академии общественных наук.⁶⁷ Мы познакомились в Москве, еще в начале 1950-х годов. Я написал ему письмо, и он меня пригласил на два месяца. Потому что по другим каналам было трудно «пролезть» в Китай. И это была моя последняя поездка в Китай.

ВГ: Но, зато, после этого у Вас была еще целая серия поездок на Тайвань. Можно ли рассказать о Ваших поездках на Тайвань? Когда состоялась первая поездка?

ЮГ: На Тайване я был пять раз! И Тайвань оказал на меня, как на китаеведа, самое положительное влияние – я стал по-настоящему понимать Китай! Моя первая поездка на Тайвань состоялась так. Как раз тогда, когда я поехал на два месяца в Пекин, туда же приехал директор тайваньского института. Я прихожу туда, а там какая-то девушка сидит, китаянка. Здоровается со мной. Симпатичная. Сначала я не понял, кто это такая? Потом оказалось, что это Юй Минь-лин.⁶⁸ Я спросил: «Откуда Вы меня знаете?». Отвечает: «А я Вас видела!» Она мне так понравилась! И она говорит мне: «В этом году Вы обязательно приедете на Тайвань!» Это был 1995 год. И в том году я, действительно, впервые попал на Тайвань.

ВГ: Как часто Вы ездили на Тайвань в дальнейшем? С кем общались?

ЮГ: Ездил туда каждый год. Общался, во-первых, с директором института Чэнь Юн-фа.⁶⁹ Это замечательнейший историк, талантливейший человек. Я также общался с председателем комиссии по истории партии Гомиьндан. Они меня пригласили отдельно. Это тоже была для меня очень большая школа. Большие люди! Все они были членами ЦК

⁶³ Хохлов А.Н. (1929 г.р.). Китаевед, к. и. н. (1972). Выпускник МИВ (1951). Научный сотрудник института китаеведения АН СССР (1957-1961), ИВ АН СССР (с 1961).

⁶⁴ Глунин В.И. (1924-2004). Китаевед, д. и. н. (1977). Окончил МИВ (1951). Преподаватель МИВ (1952-1954). Научный сотрудник института востоковедения (1955-1964). Научный сотрудник ИДВ РАН с 1966 г.

⁶⁵ Кукушкин К.В. (1926-201). Китаевед, к. и. н. (1955). Научный сотрудник ИДВ РАН с 1967 г. По воспоминаниям китаеведа Г.В. Мелихова, в те годы коллеги по институту сочинили такой дружеский куплет: «Вот исторический пасьянс – Кукушкин, Глунин, Гарушянц».

⁶⁶ Это утверждение ошибочно.

⁶⁷ Сюй Куй 徐葵 (1927 г.р.). Профессор. В 1981-1998 гг. возглавлял Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (ранее: Институт Советского Союза и стран Восточной Европы) при Академии общественных наук Китая. Почетный доктор ИДВ РАН (1994).

⁶⁸ Юй Минь-лин 余敏玲. PhD. Историк, научный сотрудник института новой и новейшей истории (Academia Sinica, Тайвань). Специалист по истории советско-китайских отношений и российской культуры в XX в.

⁶⁹ Чэнь Юн-фа 陳永發 (1944 г.р.). Академик. Специалист по новейшей истории Китая и истории КПК. Научный сотрудник института новой и новейшей истории (Academia Sinica, Тайвань). Многие годы возглавлял этот институт.

(Гоминьдана). И знаете, я с ними говорил так. Мы спорили – «говно» ли Чан Кай-ши,⁷⁰ или нет. В Китае спорить о том, «говно» ли Мао, или нет...

ВГ: Это было немислимо?

ЮГ: Да, ну что Вы! А тут, пожалуйста, спорь! Я, например, начинаю критиковать Сунь Ят-сена за одни вещи. Они говорят, его можно критиковать запросто! Только найдите удачную форму. Чтобы было не (голословно). Потом, чему я там научился. В конце 1980-х и начале 1990-х годов в институт Дальнего Востока поступило много тайваньской литературы. Я смотрел все эти книжки и удивлялся! Удивлялся чему? Оказывается в китайских книжках была только правда победителей. Правды побежденных нет. Вы меня поняли?

ВГ: Да-да, конечно.

ЮГ: То есть, как будто идет суд, на котором присутствует только одна сторона. А другая сторона отсутствует. Я пришел в ужас! Тогда я стал пересматривать китайские книжки и понял, какой ерунды я набрал. И тогда я выбросил все китайские книжки.

ВГ: То есть, у Вас появилась возможность лично сравнить тайваньскую научную литературу с китайской, так?

ЮГ: Сравнил и понял, что у тайваньцев – это солидная научная историческая школа, традиция.

ВГ: Говорят, сам вице-президент Китайской республики Лянь Чжань⁷¹ подарил Вам в один из приездов, вместе с дарственной надписью, «Сводную историю Тайваня» (Тайвань тунши) Лянь Хэна.⁷² Как это получилось?

ЮГ: Это сделала для меня Юй Минь-лин. У меня к ней самое хорошее отношение. Я к ней как к дочке отношусь. Очень люблю ее! Она говорит: «Юра, мы сейчас расстанемся. Я скоро тебе позвоню». Потом звонит, приезжает и привозит эти четыре книжки. Сказала про меня, что (российский) профессор занимается, и все такое. И Лянь Чжань с удовольствием их подарил мне. Потом она меня познакомила с выдающимся тайваньским историком Цзян Цзин-юй. Это выдающийся военный историк и историк Гоминьдана. Причем, из Гоминьдана его погнали, и он пошел в Миньцзиньдан.⁷³ Теперь Гоминьдан его обратно просит, а он их посылает. 1926 года рождения. Симпатичный мужик!

ВГ: Если говорить не только о науке, что больше всего понравилось Вам на Тайване, в плане особенностей жизни, атмосферы или достопримечательностей?

ЮГ: В отличие от Китая, понравились сами тайваньцы. В Китае никогда ничего ни о чем не узнаешь. Только так, иногда и кое-что. Закрытые люди, боятся всего! А там – открытая душа! Когда я поехал туда первый раз, меня больше всего потрясла одна встреча. Один простой тайванец спрашивает меня: «Ты откуда?» Я говорю: «Из России». Он: «Из России? Ой, не переживайте! У вас жизнь будет хорошая, и у нас тоже когда-то было плохо. Не переживайте, все будет у вас хорошо!» Меня это очень поразило, честно! Я был тронут даже.

ВГ: Тут я должен спросить, когда Вы были последний раз в материковом Китае?

ЮГ: В материковом Китае? В 1994 году.

ВГ: Все-таки, с тех пор прошло уже 14 лет. И тут я, кстати, хочу немножко не согласиться с Вами. В прошлом было так, как Вы говорите. До 2004 года я и сам не был в материковом Китае много лет подряд! Но сейчас, когда езжу туда довольно часто, я вижу, что люди

⁷⁰ Чан Кай-ши 蔣介石(1887-1975). 2-е имя – Цзян Чжун-чжэн 蔣中正. Крупнейший политический и военный деятель Китая. С 1925 г. – лидер партии Гоминдан. Генералиссимус, верховный главнокомандующий Китайской республики. Президент Китайской республики (1928, 1932, 1943, 1948-1975).

⁷¹ Лянь Чжань 連戰 (1936 г.р.). Видный государственный и партийный деятель на Тайване. Вице-президент Китайской республики (1996-2000). Дважды проиграл выборы президента Китайской республики (2000, 2004). Председатель Гоминьдана (2000-2005). Почетный председатель Гоминьдана (с 2005).

⁷² «Сводная история Тайваня» 台灣通史. Составлена тайваньским историком Лянь Хэном (дедом Лянь Чжаня), по аналогии с «Историческими записками» Сыма Цяня, и впервые издана на острове в 1920 г.

⁷³ Миньцзиньдан 民主進步黨 (Демократическая прогрессивная партия). Основана на Тайване в 1986 г. выступает за независимость острова от Китая. В 2000-2008 гг. – правящая партия на Тайване.

очень сильно изменились, спокойно критикуют то, что их не устраивает. Во-первых, простые люди открыто высказывают при разговорах то, что думают. Во-вторых, очень сильно изменились ученые. Они тоже открылись и говорят то, что думают. Конечно, есть у них свои заданные рамки или принципы. Например, абсолютно все исследования исходят из той аксиомы, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. А история Тайваня – часть истории Китая. Но сегодня многие из них открыто говорят и пишут то, что думают. Это заметно. Заметно и то, что в отдельных вопросах они зависят от политической конъюнктуры не больше, а, может даже и меньше, чем тайваньские историки, особенно в период после прихода в 2000 году к власти на Тайване пронеэзависимой партии Миньцзиньдан (2000-2008).

ЮГ: Да, это интересные изменения. Раскрепостились, но, конечно, не все. Несвободно ведут себя. Я их понимаю, конечно, по-человечески. Представляете, если советский ученый поедет за границу! И там также. Одни есть такие «долбаки» противные, комсомольские работники. А есть люди которые что-то говорят, но молча дают понять, что он все понимают и, при случае, тебе скажут. Я даже помню, когда я был там на конференции, делал доклад о Ли Да-чжао. Подошла внучка Ли Да-чжао, поцеловала меня. Такая красивая девочка! Я сам хотел поцеловать ее, но неудобно было! Очень красивая девочка! Потом собрались, как мне рассказывали, и говорили обо мне: что я – хороший китаевед. Говорили разные вещи. И кто-то сказал про меня: он знает о Китае больше, чем мы все, вместе взятые. После этого мой авторитет, знаешь как возрос?!

Еще был такой известный китайский историк Пэн Мин.⁷⁴ Я выступил с критикой этого Пэн Мина. Они говорили, что коммунисты возглавили «движение 4 мая». А я говорю, что коммунистов-то еще не было. Они: «Как не было?» Я говорю: «Они все анархисты!» Тут он возмутился: «Кто анархисты?» Я говорю: «Мао». Специально так сказал. Ну, он тогда собрание собрал, попытался переубедить меня по-братски. Но я с ними не согласился. Сказал, моя точка зрения (состоит) в том, что «движением 4 мая»⁷⁵ руководила группа «яньцзю си», группа Лян Ци-чао,⁷⁶ министерство просвещения...

ВГ: Как Вы оцениваете в целом сущность и роль «движения 4 мая»? Ведь, сегодня это снова актуальная тема в Китае. Идеи «4 мая» снова обсуждаются в свете реформ.

ЮГ: Знаете, роль этого движения преувеличена. Даже в наших Коминтерновских изданиях (был такой Казанин.⁷⁷ Он видел это сам, своими глазами) расценивали как хулиганское движение. На первых порах, во всяком случае. Его антиимпериалистическая роль преувеличена. Ничего антиимпериалистического нет. Это анти-иностранное движение. Против Версаля. Цзяочжоу-Цзинаньская железная дорога...⁷⁸ Так что, роль преувеличена.

⁷⁴ Пэн Мин 彭明 (1924-2008). Историк, почетный профессор (2005) Народного университета Китая (Пекин). Специалист по «движению 4 мая» и истории политической мысли Китая в новое и новейшее время.

⁷⁵ Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое (в основном антияпонское) движение в Китае в мае-июне 1919 г. Развернулось в ответ на решение Парижской конференции (Версальский мирный договор) не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие германские концессии в провинции Шаньдун. Началось 4 мая 1919 г. в Пекине со студенческой демонстрации протеста против этого решения, а также против предательства национальных интересов Китая деятелями Пекинского правительства.

⁷⁶ Лян Ци-чао 梁啟超 (1873-1929). Китайский ученый (философ, историк, литератор), государственный и общественный деятель. Один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае на рубеже XX в.

⁷⁷ Казанин М. И. (1899-1972). Китаевед, историк и экономист, писатель, дипломат. В 1920-1921 гг. – 1-й секретарь дипломатической миссии ДВР в Китае. Изучал историю русско-китайских отношений.

⁷⁸ По условиям Версальского мирного договора (28.06.1919) официально завершившего 1-ю мировую войну (1914-1918), Германия отказалась от всех концессий и привилегий в Китае. Но права Германии в отношении Цзяочжоу и всей провинции Шаньдун отошли к Японии. Поэтому Версальский договор не был подписан Китаем и вызывал гнев китайского народа. Заключенное позднее китайско-японское соглашение (Вашингтонское соглашение от 04.02.1922) предусматривало вывод японских войск из Шаньдуна, а также возврат Китаю железной дороги Циндао-Цзинань и территории Цзяочжоу. В то же время договор 9 стран-участниц Вашингтонской конференции (1921-1922) от 06.02.1922. провозгласил принцип «открытых дверей и равных возможностей» в отношении Китая, как общего объекта эксплуатации.

ВГ: Как Вы оцениваете роль Ли Да-чжао? Насколько отличается Ваш оценка его личности от традиционных оценок?

ЮГ: Вы знаете, он тоже анархист. Либерал такой. К началу «движения 4 мая» мало кто знал о нем вообще. Кто он такой? Какой-то директор Пекинской библиотеки. Подумаешь! Я когда писал статью (о нем), редакция выбросила у меня одну фразу. Я только позже заметил, что выбросили фразу о том, что Ли Да-чжао, марксист, пытался соединить на первых порах марксизм с анархизмом. В теории взаимодействия классов, например. В этом отличие моей точки зрения.

Ли Да-чжао тоже не оригинален. Я только до сих пор не могу найти источник. Это, скорее всего, Кавакаме Хадзуме. Но я не читаю японский язык, и у нас (переводов) Хадзуме мало. Я один раз наткнулся на книжку «Материалистический взгляд на историю» Ху Хань-миня.⁷⁹ Посмотрел – это почти Ли Да-Чжао. Хотя Ху Хань-минь на полгода позже опубликовал свою книжку, чем Ли Да-чжао.

ВГ: Возможно, что они оба заимствовали свои тексты из одного источника.

ЮГ: Да, взяли у японцев.

ВГ: Выходит, первые китайские коммунисты были не такими уж истинными марксистами?!

ЮГ: Конечно, первыми тремя марксистами были Чжу Чжи-синь,⁸⁰ Ху Хань-минь (хороший марксист, хоть он и был гоминьдановцем) и Дай Цзи-тао.⁸¹ До Ли Да-чжао, до Чэнь Ду-сю.⁸²

ВГ: А что можно сказать про Цюй Цю-бо?⁸³

ЮГ: Цюй Цю-бо я изучал, много занимался. Но сейчас я его просто возненавидел!

ВГ: Это за что же?

ЮГ: За «русский дух», «здесь Русью пахнет!» (цитата из Пушкина). Он просто переписывал шаблонно, и очень человек беспринципный был.

ВГ: А как Вы, в таком случае, оцениваете роль любимого Вами Чэнь Ду-сю?

ЮГ: Это выдающийся человек! Он выдающийся человек потому, что он хотел построить независимую организацию. Он не хотел денег от Коминтерна. Хотя это было несколько идеалистично. Он думал, что взносы соберет, и этого хватит. Он ни с кем не соглашался. Свою точку зрения всегда отстаивал до конца. Не взирая на лица. Человек суровый, строгой партийной дисциплины. Любил баб очень, много раз был женат. И этот человек еще ярк тем, что все лучшие умы и мало-мальски известные деятели Китая, начиная с конца XIX века, – все они были его друзья и знакомые. И он, ведь, начинал как революционер.

ВГ: Почему Вы занялись изучением Чэнь Ду-сю?

ЮГ: Хотел выяснить, кто был прав, он или Коминтерн. И я считаю, что он был прав. Ведь аграрного вопроса в Китае не существовало! Это сказки! Ведь, вся земля принадлежала кланам, во главе которых стояли родственники. Почему в 1949 году, когда был начат дележ, все китайские крестьяне выступали против такого дележа? Потому что не было у них помещиков, феодалов, ничего такого. А Сталин⁸⁴ хотел сперва свергнуть в 1927 году

⁷⁹ Ху Хань-минь 胡漢民 (1879-1936). Революционер, один из лидеров Гоминьдана и правительства Китайской республики.

⁸⁰ Чжу Чжи-синь 朱執信 (1885-1920). Революционер, сподвижник Сунь Ят-сена. Активно интересовался марксизмом, симпатизировал идеям и духу большевизма, Советской России. Убит в провинции Гуандун.

⁸¹ Дай Цзи-тао 戴季陶 (Дай Ю-сянь, 1891-1949). Революционер, один из основателей и видных идеологов Гоминьдана. После смерти Сунь Ят-сена претендовал на роль ведущего истолкователя суньятсенизма.

⁸² Чэнь Ду-сю 陳獨秀 (1879-1942). Революционер, один из лидеров «движения 4 мая» 1919 г. Основатель и 1-й генсек КПК (1921-1927). Исключен из КПК в 1929 г. Лидер китайских троцкистов (1929-1932).

⁸³ Цюй Цю-бо 瞿秋白 (1899-1935). Революционер, член КПК с 1922 г. Член Политбюро ЦК КПК (1927-1931). Член Президиума ИККИ (1928-1930). Член китайского Советского правительства (1931-1934). Арестован и казнен гоминьдановцами в 1935 г.

⁸⁴ Сталин (Джугашвили) И. В. (1878-1953). Революционер. Партийный и государственный лидер в СССР. Один из лидеров международного коммунистического движения. Объект культа личности.

империалистов, потом Чан Кай-ши. Потом развязать крестьянскую аграрную революцию. Но не получилось! И до 1949 года не получилась эта крестьянская революция. Потому что не было никаких оснований! Возьмите этих хакка.⁸⁵ Они, ведь, как эти тайные общества (хуэй даны). Сегодня здесь, завтра там. Возьмите знаменитую февральскую забастовку 1923 года. Кто был организатор? Говорят, Линь Сян-цян или Лу Янь. Все они были членами бандитских обществ. И это доказано на материале истории.

ВГ: Интересно было бы еще узнать и Ваш взгляд на Ли Ли-саня.⁸⁶ Ведь оценки его роли очень противоречивы. Его много критиковали в партии, и сам он себя много критиковал. Сегодня он официально включен в ряды героев партии. Но кем же он был объективно?

ЮГ: Объективно он – самый законченный левак. Самыми законченными леваками в партии были Цюй Цю-бо, Ли Ли-сань и Цай Хэ-сэнь.⁸⁷ Очень хорошо сказано в книге Шэн Юэ, что это были не коммунисты, а радикалы. Отсюда и их место в истории. Кстати, о Шэн Юэ.⁸⁸ Очень понравилась мне эта глубокая книжка (Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ят-сена в Москве и китайская революция: личные воспоминания) в Вашем переводе! Такая глубокая книжка! Очень думающий был и способный человек! Ходил в «28 большевиках», я не знал этого!

ВГ: Спасибо, очень рад слышать из Ваших уст такой отзыв о Шэн Юэ!

ЮГ: Замечательная книжка! Прямо чувствуешь, как будто бьется живая кровь! Не сравнить с другими мемуарами. Такое вранье пишут!

ВГ: Позвольте еще поговорить о более общих темах. В 1960-х годах, в русле марксистской методологии поднялась волна дискуссий о формационном развитии, об «азиатском способе производства». Вы тоже принимали участие в этих дискуссиях. Расскажите о том, как все это происходило!

ЮГ: Я открыл эту дискуссию. Работал я в журнале «Народы Азии и Африки». Со мной работал заведующий отделом Гамаюнов, был такой индолог.⁸⁹ И он говорит: «Давай что-нибудь запустим, чтобы нашуметь!» Я говорю: «Шуметь не надо, только надо подумать, что выбрать». И в это время врывается к нам парень-армянин из института марксизма-ленинизма, автор книги об «азиатском способе производства». Говорит: «У нас прошла маленькая дискуссия». Я говорю: «Вот, это объявление мы и дадим в журнале». Что в институте марксизма-ленинизма прошла дискуссия. Неважно, что было на самом деле. И мы дали объявление таким кратким анонсом. После этого ко мне обратились из журнала «Вопросы истории». Трухановский⁹⁰ был главным редактором, он и попросил написать статью. В это время уже идут всякие споры: был ли азиатский способ производства или не был. Кто-то говорил, что был «среднеазиатский» способ. И, в конце концов, я написал эту статью.⁹¹ С большим трудом она проходила в редакции журнала. Там был академик Сказкин,⁹² академик Тихомиров,⁹³ востоковед Смирнов.⁹⁴ Статья прошла. И партийное собрание Института истории вынесло решение, что, наконец-то, журналам дают право

⁸⁵ Хакка 客家 (кэцзя) – субэтническая группа китайцев, живущих в основном в южном Китае, на Тайване и в странах Юго-восточной Азии. К 2000 г. численность хакка во всем мире составляла около 32 млн. чел.

⁸⁶ Ли Ли-сань 李立三 (1899-1967). Один из основателей и лидеров КПК. В 1931-1945 гг. жил в СССР. Покончил с собой в результате политической травли в годы «культурной революции».

⁸⁷ Цай Хэ-сэнь 蔡和森 (1895-1932). Один из основателей и лидеров КПК. Друг юности Мао Цзэ-дуна. В 1929-1931 гг. член делегации КПК при ИККИ в Москве. В 1931 г. вернулся в Китай. Убит гоминьдановцами.

⁸⁸ Шэн Юэ 盛嶽 (Шэн Чжун-лян 盛忠亮, 1907-2007). Революционер, журналист, военный, дипломат, ученый. Член КПК и Гоминьдана. Выпускник и сотрудник КУТК. Автор книги: Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания // Пер. с англ., комментарии, предисловие и послесловие Л.И. Головачёвой и В.Ц. Головачёва]. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009, 320с.

⁸⁹ Гамаюнов Л.С. (1922-1969). Востоковед, индолог. Заведующий отделом журнала в 1959-1969 гг.

⁹⁰ Трухановский В.Г. (1914-2000). Историк, академик РАН (1992). Главный редактор журнала «Вопросы истории» (1960-1987). Специалист по истории Англии, международным отношениям.

⁹¹ Гарушянц Ю.М.. Об азиатском способе производства. // Вопросы истории. – М.. 1966, №2, С.83-100.

⁹² Сказкин С.Д. (1890-1973). Историк, академик АН СССР (1958). Специалист по истории Западной Европы.

⁹³ Тихомиров М.Н. (1893-1965). Историк, академик АН СССР (1953). Специалист по истории России.

⁹⁴ Видимо, Смирнов Н.А. (1896-1983). Тюрколог, д.и.н. (1941). Выпускник МИВ (1924).

публиковать, со ссылкой на мою статью. И эта ссылка на мою статью в какой-то мере сыграла роковую роль. Тут же подключилось ЦК КПСС. Меня, правда, не называют. Но мне сообщают, что в журнале «Коммунист» Берёзкин⁹⁵ проводит дискуссию по азиатскому способу производства. И там разгорелась «буча». Ленинградская «св...чь» Ефимов Г. В.⁹⁶ выступил с разгромом. Он же был ещё в самые ранние времена противником этой концепции. Тут все насторожились. Почувствовали, что пахнет жареным. Тогда против Г. В. Ефимова выступил директор Института этнографии Бромлей.⁹⁷ Спросил: «Прошло больше пятидесяти лет. Неужели Вы не меняли точку зрения?» Потом Бромлей поддержал американист Ефимов.⁹⁸ И все историки поддержали меня, кроме Г. В. Ефимова. Но интересно, когда потом в нашем институте было обсуждение, тоже в присутствии академиков. И был там (тот самый) Ефимов, который на дискуссии в журнале «Коммунист» защищал меня. Однофамилец. Я же воспринял его как Геронтия Валентиновича и набросился на него. Так мне потом стыдно было!

ВГ: Но потом же это как-то выяснилось?

ЮГ: Выяснилось, конечно! Я потом извинялся перед ним, А он говорит: «Что Вы?! Я хотя бы когда-нибудь намекнул Вас? Что Вы?! Молодежь! Молодежь!..»

ВГ: Как называлась эта Ваша статья, не помните?

ЮГ: «К вопросу об азиатском способе производства».⁹⁹

ВГ: Она вышла под Вашим именем, или как редакционная статья?

ЮГ: Вышла под моим именем. И я стал ходить в «классиках». Потом началась дискуссия вокруг нее. Выступил грузинский академик и кто-то еще. Все как будто обо мне пишут в том же журнале, но не ссылаются на мою статью. И обходят вообще тему. Вот, так эта дискуссия и появилась на свет.

ВГ: Как вы оцениваете итоги этой дискуссии? Ведь, она заняла много лет. Многие ученые принимали в ней участие. Появилось много новых и неожиданных идей.

ЮГ: Понимаешь. Наша беда была в чем? Мы же всегда в отсталых ходили! Надо было просто переписать американскую дискуссию 1928 года. Что в Китае никакого феодализма не было. И что в Китае лозунг «каждому пахарю – свое поле» это утопический лозунг. Он неосуществим. Как ни дели, земли все равно не хватит. Поэтому единственный способ решить аграрный вопрос – это модернизация сельского хозяйства. Вот, это новое относительно того, что я сам писал. А я лез в Маркса, искал общину. А американцы все обсудили раньше нас, и с немарксистских позиций.

ВГ: Через два года, в 2011 году, ожидается столетие Синьхайской революции.¹⁰⁰ На Тайване даже создана комиссия по празднованию. Конечно, это очень знаменательная дата. Ее сейчас переоценивают и в КНР. Я знаю, что Вы тоже изучали этот период. Каково, с Вашей точки зрения, значение Синьхайской революции для Китая и всей Азии?

ЮГ: Понимаете, тут до сих пор господствует ленинская точка зрения. На самом деле, я уже это говорил, аграрный вопрос стоял в Китае не так остро. Не было напряжения в аграрном вопросе. Хакка, бандиты из хуэйданов, – они заправляли всем. Лет десять тому назад на Тайване прошла конференция, посвященная итогам Синьхайской революции. Все принимавшие в ней участие крупнейшие мировые ученые, в том числе американские и тайваньские, говорят, что это была не буржуазно-демократическая революция, а это было национально-освободительное движение против Цин.

ВГ: Все-таки, за что же боролись китайские революционеры, если не за демократию? Может, это была просто борьба против монархии под «надуманными»

⁹⁵ Берёзкин Александр Васильевич (1910-1968). Историк, член редколлегии журнала «Коммунист».

⁹⁶ Ефимов Г.В. (1906-1980). Китаевед, д.и.н. (1958). Преподаватель ЛГУ с 1941 г., проректор (1961-1965).

⁹⁷ Бромлей Ю.В. (1921-1990). Историк, этнограф, академик (1976). Директор ИЭ АН СССР (1966-1990).

⁹⁸ Ефимов А.В. (1896-1971). Историк-американист, д.и.н. (1938), член-корреспондент АН СССР (1939), профессор, лауреат Сталинской премии (1942). С 1957 г. научный сотрудник ИЭ АН СССР.

⁹⁹ Точное название статьи – «Об азиатском способе производства». См. в примечаниях выше.

¹⁰⁰ «Синьхайская революция» началась 10 октября 1911 г. Привела к свержению монархии в Китае и созданию 1 января 1912 г. Китайской республики.

антиманьчжурскими лозунгами? Ведь многие известные ученые, например, крупнейший российский специалист по Цин, профессор Б. Г. Доронин,¹⁰¹ настаивают на том, что эта династия стала к тому времени уже классической китайской династией.

ЮГ: Нет, это была борьба не столько против монархии, сколько за восстановление былой славы Китая. За независимость и национальное возрождение. И поэтому я, например, виноват. Ведь в «Советской исторической энциклопедии», где все статьи о революционных организациях писал я, я везде писал, что «Хуасинхуэй», «Синчжунхуэй»¹⁰² – это всё буржуазно-революционные организации. Но это были националистические организации, не в нашем понимании этого слова. Это были националисты, которые выступали за возрождение нации, как государства, за возрождение и независимость страны. А ленинская оценка – это давно уже явная ерунда. Причем китайцы уже вычленили даже уровень капитализации страны на 1911 г. Получается 1499 капиталистов. Какие капиталисты? Мелкие купцы! То есть, капитализма не было! Уровень капитализации был в тридцать пять миллионов на четыреста миллионов населения Китая. Капитализма в Китае не было. Так что, до сих пор у нас это требует пересмотра...

ВГ: В связи с юбилеем было бы интересно узнать Вашу оценку фигуры и роли Сунь Ят-сена. Потому что существуют очень противоречивые оценки. В том числе, и очень скептические.

ЮГ: Недавно я прочел книжку, которую издала А. И. Картунова. Это переписка Сталина, Чичерина и Карахана.¹⁰³ Читаю я ее. Карахан все время подчеркивает, что Сунь Ят-сен – военный авантюрист. Что он ничем не отличается от милитаристов. Только в одном месте он пишет, что Сунь Ят-сена от милитаристов отличает только то, что у него хоть какое-то учение было. А в Китае его же (сегодня) не изучают. В Китае его просто чествуют, как знамя. Их мало интересует Сунь Ят-сен. Я говорил с очень серьезными учеными. Они прямо говорят, что не будут изучать Сунь Ят-сена. И не хотят.

ВГ: Юрий Мисакович, в 1960-1979-х годах Вы, как китаевед, наблюдали за ходом «культурной революции». Как, по Вашему мнению, повлияли эти события на СССР?

ЮГ: Они ускорили падение СССР.

ВГ: Но это очень необычная постановка вопроса! Каким образом?

ЮГ: Знаете, я критикую Китай, и даю статью в «Правду». Статья выходит в «Правде», и я вижу, что это же я все критикую СССР! Понимаете? Из-за этого я потом вообще перестал писать. Я критикую, и никто не обращает внимания (на такое совпадение)! Скажи что-нибудь резкое про Китай, и при этом напиши слово «антисоветский», и все проходило! Всякую ерунду печатали. Поэтому я всего четыре статьи опубликовал. В «Правде», в «Литературной газете» большая была статья «Как и зачем редактировал себя Мао». Потом про Цюй Цю-бо и о наших ветеранах. Темы такие выбирал, чтобы не лезть туда. Критика маоизма меня не увлекала. С чего все это (нежелание) началось? Был такой Полумордвинов. Это был советский разведчик, руководитель партизанского движения на дальнем Востоке. В Турции попался на шпионаже. После войны его только выпустили. Он выступает на первом же собрании с критикой маоизма и говорит: «У Мао Цзэ-дуна было четыре жены! Он – блядун!» Я же молодой такой был. Лезу драться, хочется драться! Говорю: «Кому какое дело, у кого сколько жен? У меня уже три! И я не уверен, что четвертой-пятой не будет!» Зал заплодировал...

¹⁰¹ Доронин Б.Г. (1928 г.р.). Китаевед, историк, д.и.н. (1993), профессор (1995). Преподаватель Восточного факультета СПбГУ с 1968 г. Специалист по истории династий Мин (1368-1644) и Цин (1644-1912).

¹⁰² «Хуасинхуэй» (Союз процветания Китая) – революционная организация, созданная в 1904 г. в г. Чанша (пров. Хунань), с целью «свержения маньчжурской династии и восстановления суверенитета Китая». «Синчжунхуэй» (Союз возрождения Китая) – первая китайская революционная организация, созданная Сунь Ят-сеном в 1894 г. в Гонолулу. Обе организации стали основой для всекитайской революционной организации Тунмэнхуэй (Объединенный союз), созданной Сунь Ят-сеном в 1905 г. в Японии.

¹⁰³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом: документы, август 1923 г.-1926 г." Сост. А.И. Картунова. – М.: Наталис, 2008. 704 с., ил.

ВГ: С уходом науки от методологии марксизма, который Вы так критикуете, на место одной методологии должна прийти другая. Какая это должна быть методология?

ЮГ: Позитивистская.

ВГ: После падения СССР перед китаеводами-историками тоже встала задача переоценки взглядов на историю Китая. Такие попытки предпринимались с тех пор уже не раз. Одной из таких попыток было издание в ИСАА МГУ «Истории Китая» под редакцией Арлена Вааговича Меликсетова.¹⁰⁴ Сама эта книга небесспорна, не без ошибок и недостатков. Но по случаю ее выхода прошла плодотворная дискуссия, в которой Вы тоже принимали участие. Эта дискуссия – тоже знак времени. Что нового было в этом учебнике, и чего ему не хватило?

ЮГ: Я тогда специально останавливался на новой и новейшей истории. Не лез туда, в древность и средневековье. Во-первых, я проверяю все факты – не нахожу ни одного правильного факта. Зачем мне эта книжка, если в ней так много фактических ошибок? Это как раз то, чему меня на всю жизнь приучил Войтинский: три раза проверь, и каждый раз подписывай, что ты проверил! Я так и делаю, честное слово! Каждый раз проверю цитаты, скажем, и подписался. Смотрю – три подписи стоят...

ВГ: Интересный методический прием. Но если говорить о методологии, то почему все-таки позитивизм?

ЮГ: Ну, что такое позитивизм? Это общее понятие, которое предлагает описывать все, как есть, выстраивая при этом стройную концепцию...

ВГ: Как, на Ваш взгляд, изменилось российское китаеведение после развала СССР?

ЮГ: По-моему, не изменилось, и в этом трагедия нашего китаеведения!

ВГ: Что же это – инерция или отсутствие ресурсов?

ЮГ: Это и инерция, и отсутствие думающих голов. Понимаешь, Тихвинский не тянет на эту роль. А все остальные – это не серьезно... Концепция китаеведения осталась та же.

ВГ: Как Вы думаете, что общего есть у современных россиян и китайцев?

ЮГ: Общее – это то, что мы научились врать! Это из-за марксистской традиции. Марксистская традиция пришла в Китай, и некоторые считают, что это полезно. А марксизм разрушил основы китайской культуры! То есть, этот научный метод оказался негативным во всех отношениях! Эта теория классовой борьбы, например...

ВГ: Сейчас много говорят об «отношениях стратегического партнерства» между Россией и Китаем. Не кажется ли Вам, что это стратегическое партнерство может когда-нибудь превратиться в «стратегическое соперничество»?

ЮГ: Тут я с тобой полностью согласен. Расписываюсь под тем, что ты говорил.

ВГ: Да, но у меня это был вопрос, а не утверждение!

ЮГ: А я подтверждаю, что я согласен (с такой постановкой). Ну, не верю. В один прекрасный момент – резкий поворот, и всё!..

ВГ: Давайте вернемся к методам исследований! Как, по вашему опыту должен работать китаевед? Только что Вы уже сказали – проверяй и перепроверяй факты, изучай источники, находи причины... Что еще необходимо в целом?

ЮГ: Необходимо усиление историографических начал в изучении истории. Что я имею в виду? Например, я взял книжку об Юань Ши-кае,¹⁰⁵ изданную в 1913 году. Потом беру книжку об Юань Ши-кае, изданную в 1914 году. Потом беру изданную перед смертью. Три книги – и все разные. Три разные оценки! Но каждая последующая оценка разрушает предыдущую. Это первое. Потом – (нужно выяснить) политические взгляды автора, (установить) кто писал. После этого – (уяснить) философские взгляды автора. Эволюционист ли он, и проч. Затем выбор метода анализа – сравнительный или генетический. Например, русскую революцию сравниваю с китайской революцией. А

¹⁰⁴ История Китая. Учебник. Издательство: МГУ. – М., 1998. 736с.

¹⁰⁵ Юань Ши-кай 袁世凱 (1859-1916). Сановник, военачальник, политический деятель последних десятилетий правления династии Цин и первых лет Китайской республики (рубеж XIX-XX вв.). Временный президент республики (1912-1915), самозванный император (1916). Лидер бэйянских милитаристов.

затем – генетическое изложение. После этого я делаю выводы. Я могу два года потратить на изучение автора. Я очень медленно пишу, кстати. Опубликовано много, но (работаю) очень медленно, Вы даже не представляете! У меня все время уходит на это.

ВГ: Вы имеете в виду, на изучение автора?

ЮГ: Автора. Откуда я знаю, прав ты или нет? Особенно это важно при работе с китайской литературой. Ты обратил внимание? Как правило, в китайской литературе нет сносок. Это большая проблема! Вот, в этом отношении меня очень многому научила блестящая тайваньская историография. Для меня знакомство с тайваньской историографией стало революцией в сознании. Я стал понимать, что такое историческая наука, китаеведение.

ВГ: Да, тайваньцы точно любят историографию!

ЮГ: Во-первых, тайваньцы очень любят историографию. Во-вторых, они очень внимательны к источникам. Вот, возьмите такую вещь. Говорят, что у Мао Цзэ-дуна есть теория «затяжной войны». Но Мао Цзэ-дун никакого отношения к этой теме не имеет. И это доказывает просто! 7 июля 1937 года состоялось военное совещание, на котором Чан Кай-ши освещал теорию затяжной войны, как основной пункт. Мао Цзэ-дун об этом узнал через год. Понимаете? Так что, это не его (теория). Когда начинаешь копать такие факты, то вся концепция, вдруг, выстраивается по-другому. Поэтому я и придаю очень большое значение методологии, методике, логике исследования. А не просто – открыл книжку и переписал факты, как это делают многие.

ВГ: Вы только что упомянули про три книги и три оценки Юань Ши-кая. Если добавить к ним последующих исследователей, то это будут, наверно, дюжины книг, или даже сотни книг. Но при этом обычно доминируют негативные оценки. А как Вы оцениваете личность и деятельность Юань Ши-кая?

ЮГ: Я думаю. Что Юань Ши-кай никого не продавал (из реформаторов). Продал Сюй Ши-чан.¹⁰⁶ Оба они ехали в Тяньцзинь, где был банкет. Потом, когда уже вернулись туда, в Пекин, Юань Ши-кай боялся, что Сюй Ши-чан уже доложил императрице (Цыси).¹⁰⁷ И он не мог не доложить. Что ему оставалось делать?

ВГ: А Сюй доложил все-таки?

ЮГ: Тот доложил. Большие исследования проведены по этому вопросу на Тайване и в КНР. Я изучал это, и даже три доклада делал на эту тему.

ВГ: Если обратиться к республиканскому периоду. Как вы оцениваете роль Юань Ши-кая в республиканский период?

ЮГ: Мы его недооцениваем. Мы считаем – палач, и все! А он – государственный деятель. То, что Сунь Ят-сен не понимал, что Сунь Ят-сену не хватало. Как государственный деятель, Юань Ши-кай был гораздо выше, чем Сунь Ят-сен. Но у нас об Юань Ши-кае ничего не пишут. Пишут только, как он изменил.

ВГ: Да. Такой беспринципный вечный изменник. Видимо, настоящие работы об Юань Ши-кае еще впереди.

ЮГ: Конечно! Я как раз начал работать над Юань Ши-каем. Не думал, что заболею. Много литературы посмотрел.

ВГ: Возможно, столетие Синьхайской революции как-то повлияет на изменение оценок роли Юань Ши-кай?

ЮГ: Вряд ли. В своих докладах я как раз критиковал книгу Тихвинского, который не понимает Юань Ши-кай, а повторяет традиционные оценки. Потом он Юань Ши-кай называет монархистом. Но он не монархист, он – конституционный монархист! И это разные вещи. Его записывают в чистые монархисты, а он имел в виду конституционную монархию. Тихвинский тогда разозлился, говорит: «Что Вы на меня набросились? Все

¹⁰⁶ Сюй Ши-чан 徐世昌 (1855-1939). Крупный сановник, политический деятель последних лет правления династии Цин и периода Китайской республики. Соратник Юань Ши-кай. Президент Китайской республики (1918-1922).

¹⁰⁷ Имеются в виду события периода «ста дней реформ» в Китае (июнь-сентябрь 1898 г.).

писали так!» А я говорю: «Ну, так, так, конечно. И Ваши ученики могут так писать. Какая разница?!.»

ВГ: Юрий Мисакович, Вы отдали китаеведению уже больше шестидесяти лет. Что вы считаете своим самым большим достижением в науке, в китаеведении?

ЮГ: Прости, это нескромно. Я считаю, что много сделал для изучения новейшей истории Китая. Поймите меня правильно. Я могу, как таблицу умножения, рассказать, что было в Китае с 1917 года по 1949 год. Это я даже не стесняюсь говорить.

ВГ: Так оно и есть, конечно! А что Вам хотелось бы сделать, но не удалось? Что вызывает сожаление? Или что можно наметить как перспективу?

ЮГ: Это Сунь Ят-сен. И нам очень мешают существующие ленинско-сталинские оценки «суньятсенизма». Например, Сталин пишет: «Ленин в последние годы придавал большое значение Сунь Ят-сену, ставшему великим революционером...»¹⁰⁸ Когда Ленин говорил такое? Где документы?

ВГ: Приходилось ли Вам принимать участие в переводах китайских источников на русский язык? Вы, ведь, и сами говорили про дефицит переводных материалов.

ЮГ: Я переводил большой сборник материалов по «движению 4 мая», изданный в 1969 году. Потом я переводил книжку Ма Сяна, охранника Сунь Ят-сена.¹⁰⁹ Потом я переводил книгу Го Мо-жо 1959 года об антияпонской войне. Называется «Песня о бушующей волне».¹¹⁰ Очень интересная. Это мемуары всё.

ВГ: Заметны ли в последние годы изменения к лучшему в российском китаеведении?

ЮГ: Могу сказать, я очень рад, что есть Панцов, Саша Писарев.¹¹¹ Очень рад, что есть Саша Ломанов, Андрей Карнеев.¹¹² Это новое поколение, это лучшее, что есть сейчас в (школе) МГУ. Это настоящие профессионалы. Но мне кажется, что в последнее время стало также развиваться источниковедение древнего Китая. Выходят переводы Сыма Цяня, переводы Конфуция, Четверокнижие. Движение происходит, но очень медленно!

ВГ: Все же мне кажется, что положительная динамика постепенно намечается.

ЮГ: То есть, растет молодежь. То, что говорит Саша Панцов, не осмелится сказать ни один китаист!

ВГ: И это уже все-таки качественный отход от марксизма. Какие из вышедших в последние годы книг российских китаеведов кажутся вам достойными наибольшего внимания?

ЮГ: Я нисколько не преувеличиваю, но первой назову твою книгу (перевод книги Шэн Юэ об университете имени Сунь Ят-сена в Москве). Это действительно настоящий источник! Там нет вранья! Мне очень нравится, как там говорится – «радикалы» и «националисты».

¹⁰⁸ Точная цитата из письма Сталина звучала так: «После Октября, особенно же в 1920-21 годах, Ленин относился к Сунь Ят-сену с большим уважением из-за того, главным образом, что Сунь Ят-сен стал сближаться и сотрудничать с коммунистами Китая...». См.: Сталин И.В. Письмо Чугунову (9 апреля 1927 г.) // Иосиф Сталин. Сочинения в 16 томах. Т.9. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/9-17.html>

¹⁰⁹ Ма Сян 马湘 (1889-1973). Революционный соратник Сунь Ят-сена. Родился в пров. Гуандун. В 15 лет выехал в Северную Америку. В 1909 г. вступил в «Гунмэнхуэй», В 1915 г. вернулся в Китай, позднее неотлучно сопровождал Сунь Ят-сена в роли охранника, начальника личной охраны. После смерти Суня возглавил охрану мавзолея «Чжуншань лин» в г. Нанкин. Умер в 1973 г. в Гонконге. Написал «Воспоминания о десяти с лишним годах следования за господином Сунь Чжун-шанем» // Записи мемуаров о Синьхайской революции. – Пекин, 1961. Т.1. С.1. 马湘.跟随孙中山先生十余年的回忆// 辛亥革命回忆录(第1集) - 北京:中华书局

¹¹⁰ Го Можо. Песнь о бушующей волне. Воспоминания об антияпонской войне. – М., 1962.

¹¹¹ Панцов Александр Вадимович (1955г.р. Моск. обл.). Китаевед, д.и.н. (1993). Окончил ИСАА при МГУ (1978). Заместитель директора ИСАА при МГУ (1998-1999). Преподаёт в различных университетах США (с 1994). Профессор Капитолийского университета (с 1999). Специалист по истории КПК и советско-китайским отношениям. Писарев А.А. (1950 г.р.) Китаевед, д.и.н. (1992), профессор ИСАА МГУ. С 1996 г. профессор Тамканского университета (Тайвань). Специалист по истории Китая в республиканский период.

¹¹² Ломанов А.В. (1968 г.р.). Китаевед, д.и.н. (2001). Главный научный сотрудник ИДВ РАН. Карнеев А.Н. (1964 г.р.). Китаевед, к.и.н. (1996). Заместитель директора ИСАА МГУ.

ВГ: Спасибо еще раз! Можно вспомнить еще книги А. В. Панцова про Мао Цзэ-дуна¹¹³ и Чан Кай-ши.

ЮГ: Да, но про Чан Кай-ши мне не нравится книга.¹¹⁴ Хотя я ее два раза прочел.

ВГ: Зато, наверно, про Мао Цзэ-дуна книга Вам должна понравиться.

ЮГ: Там много выдумок и мифов. Вот, посмотрите, есть такая книга Ли Жуя.¹¹⁵ Я купил эту книгу на Тайване. Прочел ее, вроде бы не понравилась. Директор Института новой и новейшей истории Чэнь Юн-фа мне говорит: «Ты плохо её читаешь. Прочти внимательно!» Я прочел внимательно, потом спрашиваю Чэнь Юн-фа: «Что же я прочел невнимательно?» Он говорит: «Ты прочел его не любя! Здесь – самая сильная в мире критика Мао Цзэ-дуна». Что имеется в виду? Он анализирует произведения, которые Мао осваивал до тридцати лет. И из них уже можно составить портрет Мао. Саша взял эту книгу и сказал, что она не заслуживает интереса. Я не стал ему рассказывать ничего. То есть, это невнимательное отношение. Потом, он также повторяется в той концепции, что Юань Ши-кай – предатель. Потом с Пэн Чжэнем он перепутал. Пэн Чжэнь был анархистом, а он пишет, что тот в 1922 году был коммунистом. А Пэн Чжэнь стал коммунистом в 1924 году.¹¹⁶ Много таких вещей обнаруживается под увеличительным стеклом. Но я даже многих китаистов спрашивал, прочли ли они эту книгу (Панцова) о Мао. Говорят, не осилили. Я же прочел внимательно два раза.

ВГ: Я тоже прочел всю книгу один раз. Мне понравилось. Как вы полагаете, каким направлениям и темам сегодня уделяется наибольшее внимание?

ЮГ: Персоналиям. Это и рыночный вариант. И об этом никто не знал ничего. Однажды, когда мы пили чай с коллегами на Тайване, Чэнь Юн-фа у меня спрашивает про генерала Сюй Хуэй-ци, который участвовал в переговорах Сталина в 1945-1946 годах с Сун Цин-лин.¹¹⁷ Спрашивает: «Как советский народ оценивает Сюй Хуэй-ци?» Я же ему говорю, что знать ничего не знает! Сейчас есть такая тяга к персоналиям, персонализации истории. Это общая тенденция для исторической науки.

ВГ: Как Вам кажется, какие научные темы сегодня очень важны, но не получают должного внимания?

ЮГ: Это аграрные вопросы.

ВГ: В прошлом это была очень модная «марксистская» тема. А сейчас...

ЮГ: Никто не занимается.

ВГ: Как можно оценить специфику российского китаеведения в целом? Чем оно отличается от западной или японской синологии?

ЮГ: Если брать американцев, то для американцев это стратегическая наука. И отношение к ней – как к стратегической науке. Построение отношений с таким государством (как Китай), в таком сложном мире – это всё! У нас же этого нет совершенно. Второй вопрос – сколько лет наши библиотеки не получают литературу из Китая?

¹¹³ Панцов А.В. Мао Цзэдун. // Жизнь замечательных людей: сер. биограф.; вып. 1051. – М.: Молодая гвардия, 2007. 867с.

¹¹⁴ Цзян Чжун-чжэн (Чан Кайши). Советская Россия в Китае. Воспоминания и размышления в 70 лет / Панцов А.В., редактор. – М.: «Посев», 2009. 440с.

¹¹⁵ Ли Жуй. Мао Цзэ-дун до тридцати лет. Издание 1993 г. 李锐. 三十岁以前的毛泽东

¹¹⁶ Пэн Чжэнь 彭真 (1902-1997). Видный партийный и государственный деятель Китая. Член КПК с 1923 г. Член политбюро ЦК КПК (1950). Мэр г. Пекин (1951-1966). Пострадал в годы «культурной революции». Реабилитирован в 1978 г. Председатель Постоянного комитета ВСНП (1983-1988).

¹¹⁷ Данное известие ошибочно. Сун Цин-лин находилась в Китае и не могла участвовать в переговорах. Переговоры со Сталиным и Молотовым в Москве в июне-августе 1945 г. вёл глава правительственной делегации, премьер Китайской республики Сун Цзы-вэнь – младший брат Сун Цин-лин. По итогам переговоров, касавшихся принципиальных вопросов послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке, 14 августа был подписан «Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем». Состав делегации: Сун Цзывэнь, Ван Шицзэ, Ху Шицзэ, Фу Бинчан, Цзян Цзинго и Лю Цзэжун. Генерала Сюй Хуэй-ци в этом списке нет.

ВГ: Да, тут мы далеко отстали от китайцев, которые отлично понимают стратегическую значимость изучения России, и у которых есть вся необходимая литература на русском языке!

ЮГ: У них тоже есть мощная государственная поддержка. А у нас, вот так. Напишешь книжку, так напишешь. Очередная книжка вышла, и все.

ВГ: Как Вы оцениваете перспективы современного российского китаеведения?

ЮГ: Нет больших перспектив. Пока мы не порвем окончательно с марксизмом, у нас все будет так же (по-прежнему), полу-полу (с середины наполовину)...

ВГ: Что бы Вы могли пожелать молодым китаеведам, помимо разрыва с марксизмом?

ЮГ: Изучать источники, изучать историографию и законы развития исторической науки, законы движения мысли.

ВГ: Какие качества нужны китаеведу, чтобы стать настоящим профессионалом?

ЮГ: Первое дело – не пить и не курить!..

ВГ: Говоря эти слова, Вы при этом курите!

ЮГ: И пью! Пил, вернее. Ну, и – день и ночь работать! Честно Вам говорю, сколько я себя помню, с 1948 года у меня не было ни одной ночи, чтобы я что-нибудь не прочел на китайском языке. У меня в голове тысячи планов! Но жизнь рано «оборвалась» из-за курения, из-за этого... Китаевед должен быть очень трудолюбивым. Потому что это китайская история, не наша и не западная история. Западную историю почитаешь. И там вроде бы все ясно. В Китае многое совсем по-другому. Ведь, например, классовый подход к Китаю неприменим. Во всяком случае, до 1949 года.

ВГ: Любите ли Вы Китай?

ЮГ: Я люблю Тайвань. Я могу прямо это сказать. Тайваньская историческая наука – это настоящая Наука, где происходит Суд. Я слушаю одну сторону и другую сторону.

ВГ: Обвинение и Защиту...

ЮГ: А там только восхваления. Посмотри, в Китае есть тысячи книги по истории партии – все вранье, все одно и то же! Когда я походил по тайваньским магазинам. Взял книги, Смотрю – разное. Я потом зашел в Комитет по истории Гоминьдана и спросил, как будто еще не знаю: «У вас что, тоже все так одинаково (в изложении и оценках истории)?» А они: «Что Вы, что Вы! У нас разное!» Вот, например, большая двухтомная книга Чэнь Юн-фа.

ВГ: «Семьдесят лет китайской коммунистической революции».¹¹⁸

ЮГ: Вот, этот автор не использовал в этой книжке ни одного гоминьдановского издания! Все написано на источниках. И с таким (солидным) анализом, что китайцы не могут с ним ничего поделать...

ВГ: Вы очень искренний поклонник Тайваня. Кстати, как Вы относитесь к перспективе объединения острова с материковым Китаем? Вы сторонник независимости, или же сторонник воссоединения с Китаем?

ЮГ: В краткой исторической перспективе это бессмысленно. В длительной исторической перспективе это вполне возможная вещь. И я даже слышал от многих видных людей и в КНР, и на Тайване, что их не разъединить.

ВГ: Мне кажется, мы обсудили почти все запланированные вопросы. Огромное спасибо, Юрий Мисакович, за Ваше участие и за Вашу редкую откровенность!

ЮГ: Тогда пойдёмте готовить обед!

¹¹⁸ Чэнь Юн-фа. Семьдесят лет китайской коммунистической революции: от революционного захвата власти до прощания с революцией. – Тайбэй 2001. 1146с. 陳永發. 中國共產革命七十年: 從革命奪權到告別革命. –台北: 聯經出版公司. Первое издание книги – 1998 г.